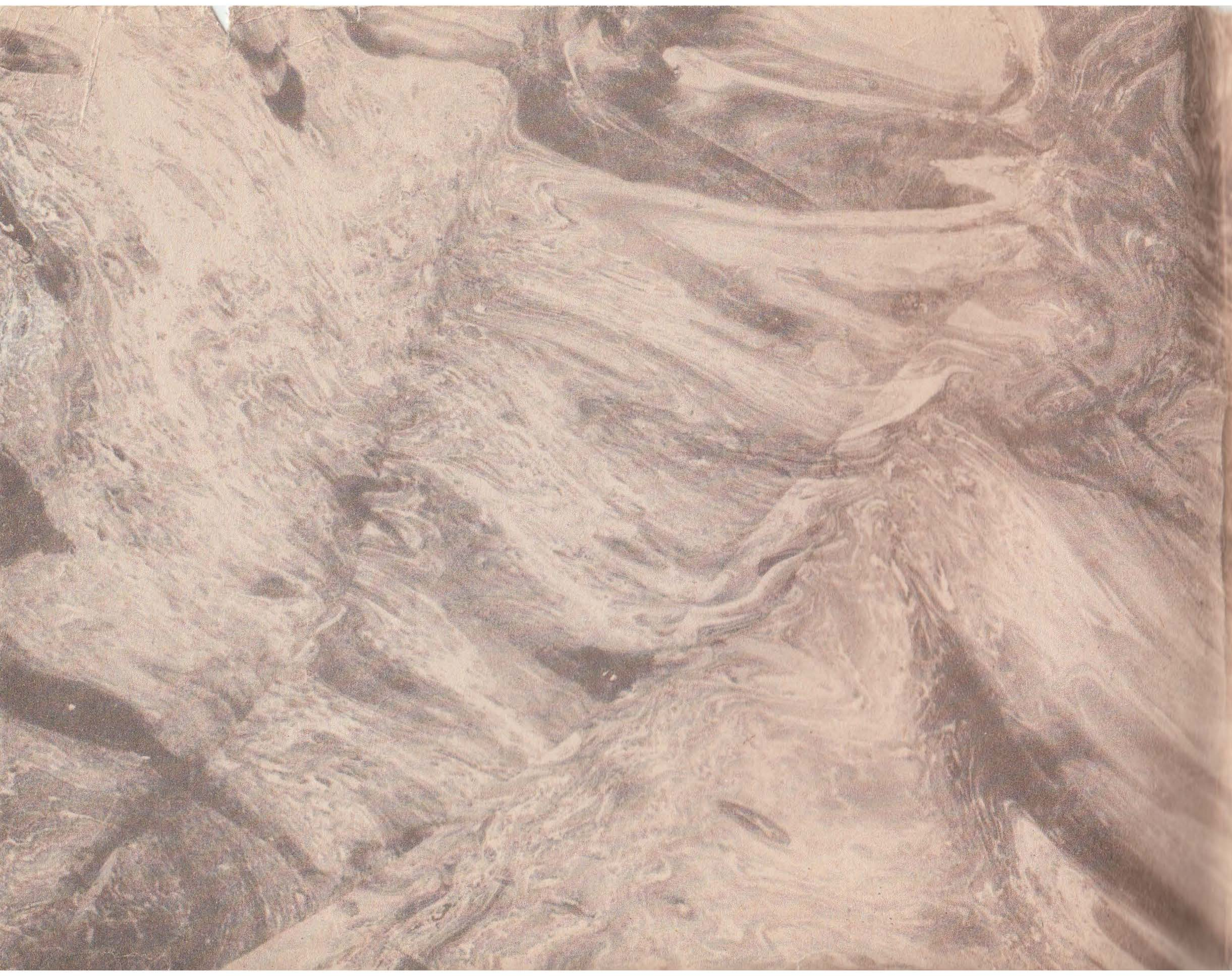

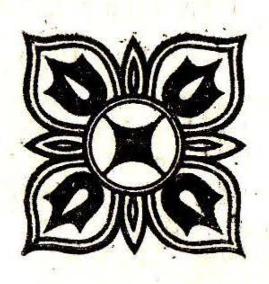
И. БОРИСЕНКО, Б. МОШУЛДАЕВ

ХОШЕУТОВСКИЙ ХУРУЛ

И. БОРИСЕНКО, Б. МОШУЛДАЕВ

ХОШЕУТОВСКИЙ ХУРУЛ

ЭЛИСТА * КАЛМЫЦКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО * 1989

ББК 86.39
Б 825

Гонорар за эту книгу авторы перевели на счет 700446 — на реставрацию Хошеутовского хурула.

Борисенко Иван Васильевич
Мошулдаев Баатр Викторович

ХОШЕУТОВСКИЙ ХУРУЛ

Рецензент искусствовед С. П. Батырева

Редактор Е. Н. Бошева
Младший редактор Г. Н. Нимгирова
Художник Ф. М. Дубров
Художественный редактор С. Э. Котинов
Технический редактор К. П. Белова
Корректоры М. У. Эрдниева, М. А. Чоянова

ИБ 1379

Сдано в набор 18.08.89. Подписано в печать 18.10.89. К 01080. Формат 84x70/16. Бумага типографская № 1, офсетная № 1. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. печ. л. 1,91+вкл. 2,18. Усл. кр.-отт. 6,54. Уч.-изд. л. 2,09+илл. 2,27. Тираж 3000. Заказ 1785. Цена 35 коп.
Калмыцкое книжное издательство, 358000, г. Элиста, ул. Революционная, 8.
Республиканская типография Госкомиздата Калмыцкой АССР, 358000, г. Элиста, ул. Ленина, 245.

Борисенко И., Мошулдаев Б.
Б 825 Хошеутовский хурул.— Элиста: Калм. кн. изд-во. 1989.—28 с., 32 л. ил.: ил.

Главный храм Хошеутовского хурула — единственный частично сохранившийся памятник калмыцкого культового зодчества. Авторы рассказывают об истории создания хурула, его культурном значении, описывают архитектуру храма и его современное бедственное положение.

Б $\frac{1203020000—040}{М 126 (03) — 89}$ 7 — 89

ББК 86.39

В ПАМЯТЬ О ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЕ

Поскрипывают деревянные ярусы башни, шуршит осыпающаяся штукатурка, посвистывает ветер сквозь пустые глазницы окон. На левом берегу Волги, в селе Речное Астраханской области возвышается странное обветшавшее строение. Сумрачный облик его хранит следы былой величавой красоты. Храм... Заброшенный, забытый, полуразрушенный. И все-таки храм. Это угадывается в строгих и торжественных очертаниях башни, в гармоничной соразмерности пропорций и еще в чем-то, неуловимом.

Трудно определить это «что-то». Ведь мы забыли, что такое храм. Только чувствуем магию его присутствия, его значительность и гордую печаль.

Что помнит он? Какие тайны хранит? В какую глубину веков уводит его история?

* * *

... Середина восемнадцатого века — трагический конец Джунгарского ханства. Почти сто лет борьбы с монгольско-китайскими завоевателями, внутренние феодальные усобицы подорвали некогда цветущее государство. В 1759 году китайские войска подавили последний очаг сопротивления ойратов. Началось жесточайшее массовое истребление населения. Спаслось лишь сорок тысяч человек — те, кто успел откочевать к границам России. В числе их был и потомок рода хойт — нойон Дегжит со своей супругой Ельзе-Орошиху и приближенными кетчинерами (телохранителями).

Прибыв в город Семипалатинск, Дегжит изъявил желание войти под российское покровительство. Императрица Елизавета Петровна удовлетворила просьбу знатного джунгарца, разрешила ему и его семье поселиться в сибирском городе Тюмени. Здесь у Ельзе-Орошиху родился сын. Родители назвали его Тюмень-Джиргалан в честь города, давшего им спасение. К тому же «тюмень» на ойратском означало «десять тысяч», и полностью имя новорожденного переводилось как «радость десятитысячная».

В Тюмени Дегжит пробыл недолго. Собрав своих подданных, он направился к берегам Волги, где уже с середины семнадцатого века кочевали калмыки — потомки ойратов, в силу исторических обстоятельств покинувших Джунгарию значительно раньше. Дегжит поселился вблизи ставки калмыков Хошеутовского улуса.

Так, в шестидесятые годы восемнадцатого века на левом берегу Волги, в семидесяти верстах от Астрахани появилось небольшое оседлое поселение.

Вскоре Дегжит умер. Через год Ельзе-Орошиху вышла замуж за вдовствующего хошеутовского нойона Замьяна, который по ойратскому обычаю усыновил осиротевшего Тюмень-Джиргалана. Пос-

ле кончины Замьяна хозяином поселения стал его пасынок.

В литературных и картографических источниках начала девятнадцатого века поселение значится уже под названием «Сельцо Тюменевка».

Тюменевка и стала тем местом, откуда начал свой путь Второй калмыцкий астраханский кавалерийский пятисотенный полк, с честью выполнивший воинский долг в Отечественной войне 1812 года.

Надо отметить, что калмыки — потомки воинственных ойратов — славились как бесстрашные и ловкие воины, прекрасные кавалеристы. Они служили надежной охраной южных границ России и неоднократно участвовали в ее военных походах, показывая образцы мужества и воинского искусства. Не остались в стороне от ратных трудов калмыки и на сей раз, когда Русское государство оказалось под угрозой иноземного порабощения.

Весною 1812 года без объявления войны более чем шестисоттысячное французское войско вторглось в пределы России. На борьбу с врагом поднялись вместе с русским народом все народы России.

Калмыки, помимо участия в различных соединениях донских казаков, выставили три своих полка, в каждом из которых насчитывалось по 500 всадников. Один из них был сформирован из числа ставропольских калмыков, а два других составили степняки улусов Астраханской губернии, организованные нойонами Джамбой Тундутовым и Тюмень-Джиргаланом.

В Тюменевку по призыву нойона собрались лучшие наездники кочевья. Тюмень-Джиргалан обеспечил их обмундированием, вооружил и дал в командиры своего старшего сына Серебджаба Тюменя. Серебджаб был уже опытным военным, служил с 1796 года, большей частью на Кавказе, имел звание майора.

Когда калмыцкие воины прибыли к местам военных действий, генерал-лейтенант Ртищев в рапорте Александру I указал, что в полку Тюменя «...люди одеты единообразно и вооружены исправно, лошади все хороши...» На пятьсот чинов полка приходилось 480 ружей, 150 сабель и 328 пик. Каждый всадник имел два коня — под седло и под вьюк.

По приказу военного министра М. Б. Барклая-де-Толли полк Тундутова был назван «Первым», а полк Серебджаба Тюменя — «Вторым». Оба полка вошли в состав третьей Западной армии.

В жарких схватках с врагом конники Тюменя показали отличную боевую подготовку и «примеры неустрашимой храбрости», как неоднократно отмечалось в приказах командования.

После крупного сражения под Пружанами командир корпуса генерал Ламберг докладывал командованию «...в сем деле казаки отличились, но особенно калмыки...»

Высокий боевой дух и уверенность в победе ощущаются в песне «Маштык боро» («Низкорослый серый конь»), которую сложили воины в первые же дни сражений.

> Французы в четверть носа (с носом в четверть — авт.)
> Не трудно их побить.
> Наши лошади крепки.
> Наш владелец Джюджа храбрый.
> Летим с ним в Москву.
> Там побьем 50 тысяч французов.
> Они Москву столицу разорили...
>
> (Перевод И. В. Добровольского, 1816 г.)

В 1813 году, когда Наполеон был изгнан из пределов России, калмыцкие воины приняли участие

в заграничном походе русской армии, который принес освобождение народам Европы.

Второй калмыцкий полк действовал на Варшавском направлении, сражался за освобождение герцогства Варшавского и Саксонии. По-прежнему воины полка проявляли исключительное бесстрашие и героизм. Так, в боях за г. Сезанн полк Тюменя разбил на своем участке 3 французских эскадрона, за что 10 его воинов получили высшие награды солдатской доблести — ордена «Святого Георгия».

В составе передовых частей русской армии калмыцкие конники дошли до стен Парижа и 19 марта 1814 года победным маршем прошли по столице Франции. Об этих триумфальных для России днях позднее напишет поэт, участник похода Ф. Глинка.

Я видел, как коня степного
На Сену пить водил калмык,
И в Тюльери у часового
Сиял, как дома, русский штык!

Победа над Наполеоном была делом поистине всенародным. В калмыцких улусах, как и по всей России, мирное население собирало средства в помощь фронту. За весь период войны калмыки пожертвовали 23510 рублей, 1080 строевых лошадей и 1100 голов крупного рогатого скота.

Так калмыцкий народ и его воины оказались причастными к событиям огромной важности в истории России и Европы — борьбе с наполеоновской агрессией.

* * *

Овеянные славой, возвращались в родные степи конники Серебджаба. Газета «Восточные известия» писала, что подвиги калмыков в битвах «за свободу, независимость и благосостояние Европы» восхищали просвещенный запад, что «многие нижние чины украшены знаками отличия, а некоторые имеют по два и по три даже других держав».

Да, многие тюменевские воины были представлены к наградам, получили повышения в чинах. Все офицеры полка в знак особого отличия получили серебряные эполеты. Сам командир был произведен в полковники, удостоен многих боевых орденов.

Но к радости победы примешивалась горечь потерь. 239 из 575 однополчан погибли в сражениях, шестеро остались в госпитале в Париже.

В честь ратных подвигов живых и павших и в благодарность Будде, даровавшему им победу, и был возведен комплекс Хошеутовского хурула.

Идея строительства храма Победы принадлежала младшему сыну Тюмень-Джиргалана Батур-Убуши.

Здесь надо сказать несколько слов о вкладе в калмыцкую культуру князей Тюменей. Сам Тюмень-Джиргалан получил европейское образование, интересовался калмыцкой и ойратской историей, фольклором, литературой. Сыновей своих — Серебджаба и Батур-Убуши — он отправил в Петербург для обучения военного и светского, кроме того, оба получили традиционное ламаистское хурульное образование. Современники свидетельствуют об их разносторонних познаниях в различных областях науки и искусства. В калмыцкой историографии XVI — XIX веков немало упоминаний о фамильном книгохранилище Тюменей, содержавшем интереснейшие монгольские, тибетские и ойратские рукописные книги.

Если Серебджаб посвятил себя в основном военной карьере, а впоследствии — управлению имением, то Батур-Убуши сочетал военное дело со слу-

жением наукам и музам. Один из его современников Ю. Лыткин писал, что «познания его были обширны и ни одно искусство не было чуждо ему». Батур-Убуши оставил заметки о строевой службе, записал несколько прекрасных калмыцких песен, занимался переводами. Главный его труд — летописное сочинение «Сказание о дербен-ойратах» вошло в число лучших памятников ойратско-калмыцкой литературы, имеет немалую историческую ценность. Наследие Батур-Убуши и поныне широко используется при разработке многих вопросов калмыковедения.

Батур-Убуши также участвовал в походе 1812 года, но не вместе со своими земляками, а в составе лейб-гвардии казачьего полка. Летом 1814 года с делегацией калмыков Хошеутовского улуса он приехал в Петербург на торжества по случаю празднования победы над Наполеоном. Одним из центральных мест проведения этих торжеств был Казанский собор, ставший памятником русской воинской славы.*

Атмосфера всеобщего ликования, царившая в Петербурге в те дни, а также гордость за калмыцкий народ, ощущение его причастности к великой победе породили у Батур-Убуши мысль о создании подобного монументального строения в родных степях.

Будучи человеком военным, Батур-Убуши не располагал достаточными средствами для столь крупного строительства. Поэтому по возвращении из Петербурга он рассказал о своем замысле брату Серебджабу, который поддержал его и согласился принять на себя часть расходов.

А Батур-Убуши принялся за составление проекта храма. В основу его легла композиционная схема Казанского собора, столь полюбившаяся ему. Но это не было слепым заимствованием. Батур-Убуши внес в архитектуру храма заметный восточный колорит. Это удалось ему во многом благодаря сотрудничеству с монахом Гаван Джимбе, который незадолго до того совершил паломничество в Тибет и Монголию.

Так, идея создания храма, глубоко интернациональная по своей сути, отражающая союз калмыцкого и русского народов, нашла органичное воплощение в облике храма. Авторы проекта задумали гармонично соединить в нем черты европейского, а точнее, русского классицизма и архитектуры буддийского Востока.

Замысел удалось воплотить в жизнь. Строительство храма было начато в 1814 году. Его заложили вблизи Тюменевки, на месте старого деревянного культового сооружения, куда на хранение было сдано пробитое французскими пулями походное знамя Второго калмыцкого полка. Строители были местные. Вероятно, и кирпич изготавливали где-то поблизости. Почти на каждом кирпиче оттиснут выпуклый рисунок лука со стрелой. Это священная родовая тамга хошеутовских нойонов Тюменей — знак рода, еще в далекой Джунгарии прославившегося своими воинами, которых часто ставили во главе боевого клина. Отсюда и название рода — «хош» (клин). Оттиски такого знака можно было сделать только при формовании кирпичей.

Храм возводился на добровольные пожертвования калмыцкого народа и отчасти, как уже говорилось, на средства Серебджаба Тюменя.

---

* В Казанском соборе М. И. Кутузов отслужил молебен отправлением в действующую армию, сюда же впоследствии был доставлен его прах. Здесь хранились знамена неприятеля, ключи от французских городов.

Неизвестна точная дата окончания строительства. Предположительно оно было завершено в конце десятых годов прошлого века.

Вокруг храма располагались в кибитках кочевые хурулы Декшидын и Манлан. Они хорошо видны на рисунке Чернецовых 1838 года (см. ил. 4). По преданию эти хурулы прикочевали еще из Джунгарии, кочевали по левобережью Волги, а с 1811 года тяготели к месту формирования Второго калмыцкого полка, поскольку освящали его отправление в поход и счастливое возвращение.

А на более поздней — 1868 года — литографии неизвестного художника, приложенной к материалам Кумо-Манычской научной экспедиции (см. иллюстрацию на обложке) видно, что эти хурулы обрели каменные сюмэ, расположенные слева и справа от главного здания. За правым крылом колоннады можно заметить еще одно небольшое каменное строение — это придворная часовня нойона. Кроме того, вокруг храма разместились еще несколько культовых построек, субурганов* и мани**, а также кибитки служителей. Все эти постройки вкупе составили монастырский комплекс Хошеутовского хурула. Расположенный на левом берегу Волги, он выглядел очень живописно.

В некотором отдалении находилась усадьба Тюменя. Дом был построен на манер петербургских дач — двухэтажный, с мезонином и галереями. Стилизованные черты русского классицизма в его облике перекликались с классическими пропорциями хурула и подчеркивали их. Все строения летом были окружены зеленью садов, что создавало особенно выгодный фон для прихотливого силуэта хурула (см. ил. 1, 16).

Так, в начале прошлого века на левом берегу Волги, на месте, связанном со многими событиями в истории взаимоотношений калмыцкого и русского народов, был воздвигнут памятник их дружбы и боевого братства — Хошеутовский хурул.

САМОЕ ИЗЯЩНОЕ... ВО ВСЕЙ СТЕПИ КАЛМЫЦКОЙ

Культура калмыцкого народа, богатая и самобытная, истоками своими уходит в историческое прошлое древних цивилизаций Центральной Азии. Воздействие культур Халха-Монголии, Китая, Тибета сказалось при формировании ойратской культуры в XV — XVI веках. Начиная с конца XVI — начала XVII века, она испытывает сильное влияние ламаизма и — через него — буддийской культуры. Особенно ярко это проявилось в изобразительном искусстве, где все было подчинено буддийским канонам, а также в культовом зодчестве.

Первые культовые постройки представляли собой простые кибитки (хурла гер), приспособленные под нужды культа (см. ил. 6). Подробные описания и рисунки очевидцев дошли до наших дней. Хурла геры отличались добротностью, большими размерами и были покрыты белой кошмой. Иногда две-три кибитки ставились вплотную друг к другу, соединялись переходами и образовывали

---

* Субурган — монументальная культовая постройка в виде видоизмененной ступы, распространенная в Тибете, Монголии, Бурятии и Калмыкии. (Подробнее см. на с. 12).

** Мани — часовня, в которой находился молитвенный барабан «кюрдэ».

единый хурла гер. Комплекс из нескольких хурла геров, кибиток служителей культа, священных построек в виде субурганов, цаца*, мани представлял собой кочевой хурул (монастырь).

Наряду с кочевыми хурулами уже с конца XVI века стали строиться в Джунгарии и в Прииртышье стационарные хурулы. До нас дошли только описания остатков монастыря Аблаинкит — монастыря Аблая. Из описаний явствует, что монастырь представлял собой хорошо укрепленную небольшую крепость, расположенную на естественном возвышении посреди равнины. Главное здание монастыря — храм в виде огромной палатки, вытянутой по длине, с глинобитными стенами и черепичной кровлей. Надо отметить, что монастырь одновременно являлся резиденцией правителя Аблая. Можно предположить, что остальные монастыри были также построены при резиденциях правителей.

Но времена меняются. Наступает время смут и войн, в огне которых гибнут дворцы правителей и монастыри. Творения ойратских зодчих не дошли до наших дней. Как известно, под давлением врагов часть ойратов откочевала в пределы Российской империи.

В конце XVIII — начале XIX века сложились условия, при которых кочевой народ частично перешел на полуоседлый образ жизни. И вновь возникла необходимость образования стационарных хурулов. Как правило, ламы — настоятели хурулов являлись богатыми собственниками и могли позволить себе строительство капитальных зданий для укрепления своего престижа среди верующих.

В 1798 году в Бага-Цохуровском улусе в урочище Цаган-Аман Орчи-ламою был построен первый оседлый хурул. Затем в 1800 году в Малодербетовском улусе Сойбин-лама основал Дэду Ламин хурул. А в 1805 году усилиями гелюнга Габун Бунтарова развернулось строительство Сере-Джана Рацан малого хурула Ики-Цохуровского улуса, известного еще под названием Зюнгарский.

Итак, к моменту создания Хошеутовского хурула на территории Калмыкии существовало лишь три стационарных хурула, было построено не более шести деревянных сюмэ.

Комплексы стационарных хурулов состояли из нескольких храмов — сюмэ, каменных или деревянных, и все тех же священных построек, что и в кочевых хурулах: субурганов, цаца, мани.

Очевидно, что здания первых сюмэ возводились по уже сложившимся канонам архитектуры ламаистских храмов Монголии и Тибета, так как своего опыта подобного строительства у калмыков практически не было. Поправки были сделаны лишь на местные материалы и возможности мастеров, как сказали бы в наши дни «возможности местной строительной базы».

Первые стационарные сюмэ были просты по планировке и объемно-пространственным композиционным решениям. Хотя можно отметить сюмэ Зюнгарского хурула, который состоял из двух частей, соединенных между собой переходом: квадратной и восьмигранной в плане. Такая композиция явилась следствием эволюции композиции хурла гера, состоящего из двух — трех кибиток. Об этом хорошо рассказано в книге Д. Б. Пюрвеева «Архитектура Калмыкии».

Комплекс Хошеутовского хурула, построенный в конце десятых годов прошлого века, был одним из крупнейших и отличался более сложной композицией и оригинальной архитектурой.

* Цаца — часовня, которая устанавливалась на местах погребения духовных лиц — лам, гелюнгов и др.

* * *

Композиционным ядром Хошеутовского хурула явилось большое каменное здание главного сюмэ, которое мы и рассмотрим подробно.

Здание можно условно разделить на четыре основные части: молельная, где проходили все ритуалы, центральная башня и две галереи (см. ил. 25). Они отходили полукругом от центральной башни и заканчивались двумя малыми башнями. Молельня и центральная башня частично сохранились до наших дней, галереи и малые башни утрачены.

Молельня представляет собой трехнефную* двусветную** базилику*** (см. ил. 26, 27). Мощные стены толщиной в 90 см воспринимают усилия от цилиндрических сводов. Стены и своды выложены из красного обожженного кирпича на известковом растворе. Большая прочность кладки достигалась добавлением в раствор яичного белка. Нельзя не отметить также высокое качество кирпича, размеры которого близки размерам стандартного современного керамического кирпича.

Центральный неф высотой около шести метров завершается алтарем за аркой сложного абриса. Над алтарем устроен также цилиндрический свод малого диаметра, но расположен он перпендикулярно центральному. Продольные стены центрального нефа покоятся на шести подпружных арках, через которые можно попасть в боковые, более низкие нефы. Каждый боковой неф освещается семью окнами, по пять окон с боковых фасадов и по одному с каждого торца. Окна забраны ажурной кованой решеткой.

Центральный неф освещается полукруглыми окнами второго света и двумя арочными окнами двухъярусной башни. Эта башня возвышается над центральным нефом почти посередине. Кирпичные стены ее первого яруса опираются на основные стены нефа, а также на две арки, стянутые железными стяжками. Небольшой верхний ярус башни был деревянным. Кровля над молельней устроена из кровельного железа по деревянным стропилам. Стены изнутри и снаружи были оштукатурены тем же известковым раствором с добавлением яичного белка. Полы настелены из досок толщиной в 5 см и шириной в 30 — 40 см по лагам из мощных брусов. Такой же пол был и в центральной башне.

Молельня была отделена от центральной башни двумя двустворчатыми дверьми, образующими небольшой тамбур. Вторые двери, возможно, установлены позднее, так как их петли закреплены на шурупах. Первые не сохранились. Они имели толщину в 11 см и состояли из двух слоев мощных досок. Но остались вмонтированные в кладку кованые стержни, на которые при помощи кованых петель навешивались двери. Такие же двери были установлены и с восточного входа в главную башню.

Главная башня, высотой около 16 метров, состоит из пяти ярусов (см. ил. 27). Два нижних яруса выложены из кирпича и оштукатурены по обрешетке из дранки. Интересно, что нижний ярус, прямоугольный в плане, имеет интерьер в виде цилиндра с четырьмя полукруглыми нишами в промежутках

---

* Неф — вытянутое помещение, часть интерьера (обычно базилики), ограниченная с одной или с обеих продольных сторон рядом колонн или столбов.

** Двусветная — с двумя рядами окон, расположенных один над другим.

*** Базилика — прямоугольное в плане здание, разделенное внутри рядами колонн или столбов на продольные части (нефы).

между четырьмя дверными проемами. В результате стены нижнего яруса получили мощное утолщение. По-видимому, это не вызвано необходимостью поддерживать остальные четыре яруса башни, так как только один из них был кирпичным, а последние три — из дерева. Скорее всего, цилиндрическое пространство интерьера более всего соответствовало тому «распределительному» назначению, которое выполняло это помещение. Сюда стекались потоки людей, входивших через восточный вход и боковые галереи, чтобы затем пройти в молельню. Отсюда после службы они «растекались» по тем же направлениям. К тому же образ пространства, ограниченного цилиндрической формой, по своим эмоционально-эстетическим качествам связан с формой кочевой кибитки, традиционного народного жилища калмыков. Высота нижнего яруса башни так же, как и молельни, около шести метров. Перекрытие плоское деревянное с оштукатуренным по дранке потолком.

Три последующих яруса прямоугольные в плане и имеют окна, арочные или круглые. Между этими ярусами нет перекрытий, в интерьере они составляют своеобразное пространство, освещаемое солнцем в трех уровнях.

Вероятно, второй ярус башни представлял собой какое-то особое помещение, имевшее свое специальное назначение. В перекрытии первого яруса имеется квадратный проем. Можно предположить, что он служил для выхода на уровень второго яруса с помощью приставной лестницы. Но это маловероятно: приставная лестница просто испортила бы парадный интерьер первого яруса, да и не всякий монах взобрался бы по ней. Скорее всего, для выхода на уровень второго яруса использовались капитальные легкие лестницы из дерева и металла, которые находились в галереях. Одну из этих лестниц можно увидеть на снимке тридцатых годов.

Галереи, каждую из которых составляли 16 колонн, расположенных в два ряда, полукругом отходили от центральной башни. Колонны были выложены из кирпича и оштукатурены, базы* и капители** выточены из белого камня. Полы в галереях были монолитными из бутового камня на известковом растворе. Перекрывались галереи, вероятно, деревянным настилом по деревянным балкам. Поверх настила был устроен монолитный каменный пол. Образованные таким образом площадки наверху галерей ограждались ажурной балюстрадой***.

По лестницам монахи поднимались на площадки, откуда могли попасть на второй ярус главной башни или доходили до малых боковых башен, сзывая верующих на службу и воздавая молитвы Будде.

Галереи завершались двумя симметрично расположенными **малыми боковыми башнями.** Башни имели три яруса: два нижних, прямоугольных в плане, кирпичных, и маленький верхний, деревянный. Как и все здание, башни были оштукатурены известковым раствором.

Из этого краткого разбора ясно вырисовывается симметричная композиция храма. На централь-

---

* База (в архитектуре) — основание, подножие колонны или столба.

** Капитель — венчающая часть колонны, столба или пилястры.

*** Балюстрада — ограждение лестниц, террас, балконов, состоящее из ряда невысоких фигурных столбиков (балясин), соединенных сверху горизонтальной балкой или перилами.

ной оси расположены главная башня и молельня. Полукруглые галереи и малые башни симметричны относительно этой оси. Не составляет большого труда заметить сходство композиции храма с композицией Казанского собора архитектора А. Н. Воронихина, который был построен в Петербурге в 1811 году.

Следует отметить, что в XIX веке подобное обращение к классическим композиционным схемам не было редкостью. Позже, в 1833 — 1837 годах, по аналогичной схеме была построена архитектором Дж. Торичелли Михайловская церковь в Одессе. Композиция Андреевского собора в Кронштадте, построенного архитектором А. Д. Захаровым в 1817 году, была воспроизведена дважды по рекомендации высших инстанций: при возведении собора Александра Невского в Ижевске в 1823 году и собора в Екатеринославле в 1835 году.

Как уже отмечалось, взяв за основу композиционную схему уникального столичного образца, Батур-Убуши Тюмень с помощью Гаван Джимбе творчески переработал ее применительно к требованиям буддизма, национальным традициям и небольшим размерам храма.

Возможно также, что одной из причин обращения именно к этому памятнику русского классицизма явилось сходство плана здания с родовой тамгой хошеутов в виде лука со стрелой. Форма плана в буддийской культовой архитектуре имела большое символическое значение.

Открытая местность позволила Батур-Убуши создать композицию, активно развитую по вертикали. Достигнуто это с помощью высоких объемов главной и малых боковых башен, которые имели тщательно разработанные пропорции. Уменьшающиеся кверху ярусы в совокупности с мастерски решенными горизонтальными и вертикальными их членениями создавали у зрителя впечатление легкости, устремленности вверх.

Но движение вверх останавливали мощная колоннада и строгие формы объема молельной части. Они прочно «удерживали на земле» легкие башни, подчеркнуто контрастировали с ними. Благодаря такому соотношению у зрителя возникало впечатление величественности и монументальности этого в общем-то небольшого сооружения.

Несомненно, здание доминировало в сложившемся комплексе хурула, да и зимней ставки в целом. Башни его были видны издалека и являлись хорошим ориентиром в бескрайней степи.

Хотелось бы поделиться одним наблюдением. Однажды, во время самодеятельной экспедиции по осмотру и описанию храма, мы отметили, что он не произвел при первой встрече того впечатления величественности, непоколебимости, как три года назад. «В чем же дело?» — спросили мы себя. — Ведь храм не сильно изменился за эти три года». И, кажется, нашли ответ.

Все дело в ритме, точнее, скорости восприятия. Мы подъехали к храму на мотоцикле. А в прошлый раз мы шли от пристани пешком и всю дорогу наблюдали постепенно вырастающий храм: сначала показались его башни, потом весь его гордый абрис. Мы наблюдали, фотографировали, любовались. Наконец, храм вырос в величественное сооружение, поразившее нас стройностью объемов.

Вероятно, так же воспринимали его наши предки (думаем, на коне никто близко к храму не подъезжал). Это постепенное — с нарастанием — восприятие сооружения и создавало впечатление величия.

Своеобразна и ориентация здания в пространстве: главный фасад обращен на восток, а фасад алтарный — на запад, т. е. в сторону реки (см.

ил. 24). Очевидно, что здание смотрелось бы выигрышнее с архитектурно-планировочной точки зрения, если бы было развернуто главным фасадом на реку, как и был расположен двухэтажный дом самого князя Тюменя. Со стороны реки хорошо просматривались бы полукружие галерей и боковые башни, которые придают зданию особую выразительность. Но, вероятно, здесь сыграл свою роль один из канонов буддизма: по его учению священный рай будды Амитабхи находится на западе, куда и обращен алтарь.

Очень интересна декоративная отделка храма. Обратившись к классической композиционной схеме, авторы в отделке здания использовали элементы классицизма, хотя и в стилизованном виде.

Отделка стен молельной части и нижних ярусов башен выглядит строго. Желая подчеркнуть мощность объемов, автор ограничился строгими пилястрами* со стилизованными капителями. Такие же капители имели и колонны галерей.

Башни, напротив, имели богатую отделку в виде арочных и круглых лопаток и колонок. Таким активным членением автор «облегчает» объемы башен.

В то же время автор применяет декоративные элементы совершенно иного архитектурного стиля. Ярко выраженный восточный колорит храму придает большой вынос карнизов, как многоярусных башен, так и молельни. Угол наклона крыш изменяется от пологого в карнизной части до более крутого ближе к коньку. Кроме того, по периметру всех карнизов башен, молельной части и галерей были установлены длинной цепью декоративные элементы в виде полумесяцев рогами вверх (в настоящее время утраченные). Все эти приемы создавали впечатление легкости и причудливой изогнутости крыш, слегка загнутых вверх их краев, что характерно для восточных храмов.

Особое внимание следует обратить на завершения башен. Они выполнены в виде стилизованных субурганов. Субурганы, первоначально возникшие в Юго-Восточной Азии и затем распространившиеся в Тибете, Монголии, Бурятии и Калмыкии, представляют собой тип монументальных культовых сооружений. Их прототипом явились древнеиндийские ступы — символические и мемориальные сооружения, хранилища реликвий. Как известно, ступа отражала космологические представления древних индийцев, символически изображая вселенную с ее трехчастным устройством по вертикали: верхний, средний и нижний миры. Субурганы соответствуют ступам по назначению и символическому значению, но являются архитектурным сооружением. Они имеют сложную центрическую башнеобразную композицию, состоящую из трех частей: пьедестал (сэнтэй), средней или главной части (бумба) и венчания (чойнхор). Пьедестал также делится на три части: основание, ствол и карниз. Бумба имеет цилиндрическую или шарообразную форму. Венчание субургана составляют 13 концентрически расположенных колец и позолоченный элемент — ганчжир с символическим знаком «нарн-сар» («солнце — луна») (см. ил. 13).

Что же могло повлиять на выбор автором модели субургана в качестве завершения башен? Вероятно, это было сделано по аналогии с куполами русских церквей, но при этом нисколько не умалялся первоначально заложенный космологический смысл субургана. Напротив, став основной

---

* Пилястра — плоский вертикальный выступ на поверхности стены или столба. Имеет те же части и пропорции, что и колонна, служит для членения плоскости стены.

частью храма, субурган как бы получил второе рождение, передавая свое символическое значение всему храму.

Так модель субургана, монументального мемориального сооружения культовой архитектуры буддизма, стала архитектурным элементом Хошеутовского храма, органично завершая его композицию по вертикали. Есть предположение, что это было сделано впервые и послужило примером для повторений в архитектуре последующих калмыцких храмов.

Большое значение в отделке храма имел цвет. Судя по остаткам побелки, снаружи стены храма были выкрашены в священный желтый цвет. Крыша, как и у всех калмыцких храмов, была зеленой. По рассказам старожилов, при последнем ремонте и реконструкции некоторых деталей в 1927 году, весь храм был выкрашен в белый цвет, а кровля перекрыта оцинкованным железом.

* * *

Внутри храма стены молельни были покрыты голубой краской с переходом в синий на сводах. Небесный цвет символизировал обитель небожителей. Алтарь был окрашен в красный цвет будды Амитабхи. Стена над дверью расписана в красно-коричневой гамме. Арки, соединяющие центральный и боковые нефы, расписаны по толщине стены в четыре цвета: желтый, красный, зеленый и синий. Поддавшись первому впечатлению, можно ассоциативно связать роспись арки с радугой. Но нарушение спектрального порядка цветов наталкивает на мысль, что это символические цвета четырех небесных будд.

Большой интерес представляют росписи внутри главной башни, в интерьере первого яруса. Они были выполнены на голубом фоне над входом в молельную часть, в четырех нишах и над ними.

Роспись над входом в молельную часть представляла собой композицию из пяти фигур людей на голубом поле, окантованном трафаретным орнаментом растительного происхождения. Три фигуры — центральная и две боковые — изображены в сидячем положении. Две крайние фигуры были написаны во весь рост. Крайняя правая фигура отсутствует вообще. Сохранился лишь фрагмент росписи, изображающий ветку с желтыми плодами. Полное представление об этой фигуре может дать рисунок В. Мезенцева в книге «В краю легенд и сказок» (Элиста, 1969). Центральная фигура и та, что справа от нее, находятся на грани исчезновения: покрытые мелкой сеткой трещин росписи постепенно осыпаются и исчезают бесследно. Из того что осталось, можно заключить, что в центре был изображен человек с белой бородой в просторной одежде синего цвета. Справа — фигура человека также в просторной одежде, но бордового цвета. Вероятно, это была женщина, так как на голове можно различить женский головной убор или платок того же цвета.

В лучшем состоянии находятся две последние фигуры, хотя и они скоро исчезнут. Фигура, расположенная слева от центральной, представляет собой человека средних лет с благородным лицом (см. ил. 29). Одежда его расписана по желтому фону то ли змеями, то ли драконами в серебристой чешуе, на груди изображен ужасный лик смерти. На голове желтая шапка с четырехугольным верхом типа калмыцкого национального головного убора. На коленях он развернул свиток, больше похожий на карту, чем на ученые письмена.

Наибольший интерес вызывает крайняя левая фигура (см. ил. 30). Это монах, показанный во

весь рост в позе, которую условно можно назвать «танцующей». Он в длинной свободной одежде с длинными рукавами коричнево-землистого цвета. В правой руке у него что-то вроде небольшого мяча, а на левом плече сидит большая зеленая лягушка (см. ил. 31), у которой не менее трех пар ног и четырех пар глаз на спине. Очень выразительно лицо монаха с мощным лбом бритой головы, будто написано оно с живого конкретного человека.

Ниже пятифигурной композиции еще различима фигура человека, летящего на мифической птице гаруде. Человек с птицей написаны в более мелком масштабе, чем пять основных фигур. О том, что росписи были в четырех полукруглых нишах и над ними, свидетельствуют остатки голубого фона и единственное сохранившееся изображение летящего журавля над юго-западной нишей (см. ил. 32). Едва различимые остатки росписей сохранились в интерьере второго яруса башни, но разобрать что-либо уже невозможно.

Можно предположить, что росписи были и на стенах боковых башен. Отсутствие их в молельной части объясняется тем, что здесь на стенах традиционно развешивались писанные на ткани иконы — дарциги.

Общая композиция росписи рассчитана на восприятие зрителем, входящим в храм. Техника исполнения близка технике матерчатых икон-дарцигов. Плоскостное изображение фигур с четкой прорисовкой контура и деталей весьма характерно для тибетской и монгольской буддийской живописи, откуда берет начало калмыцкая иконопись. Преобладают желтые, зеленые, голубые, синие, коричневые тона. Спокойные нюансные цветовые отношения напоминают о естественных тонах степи.

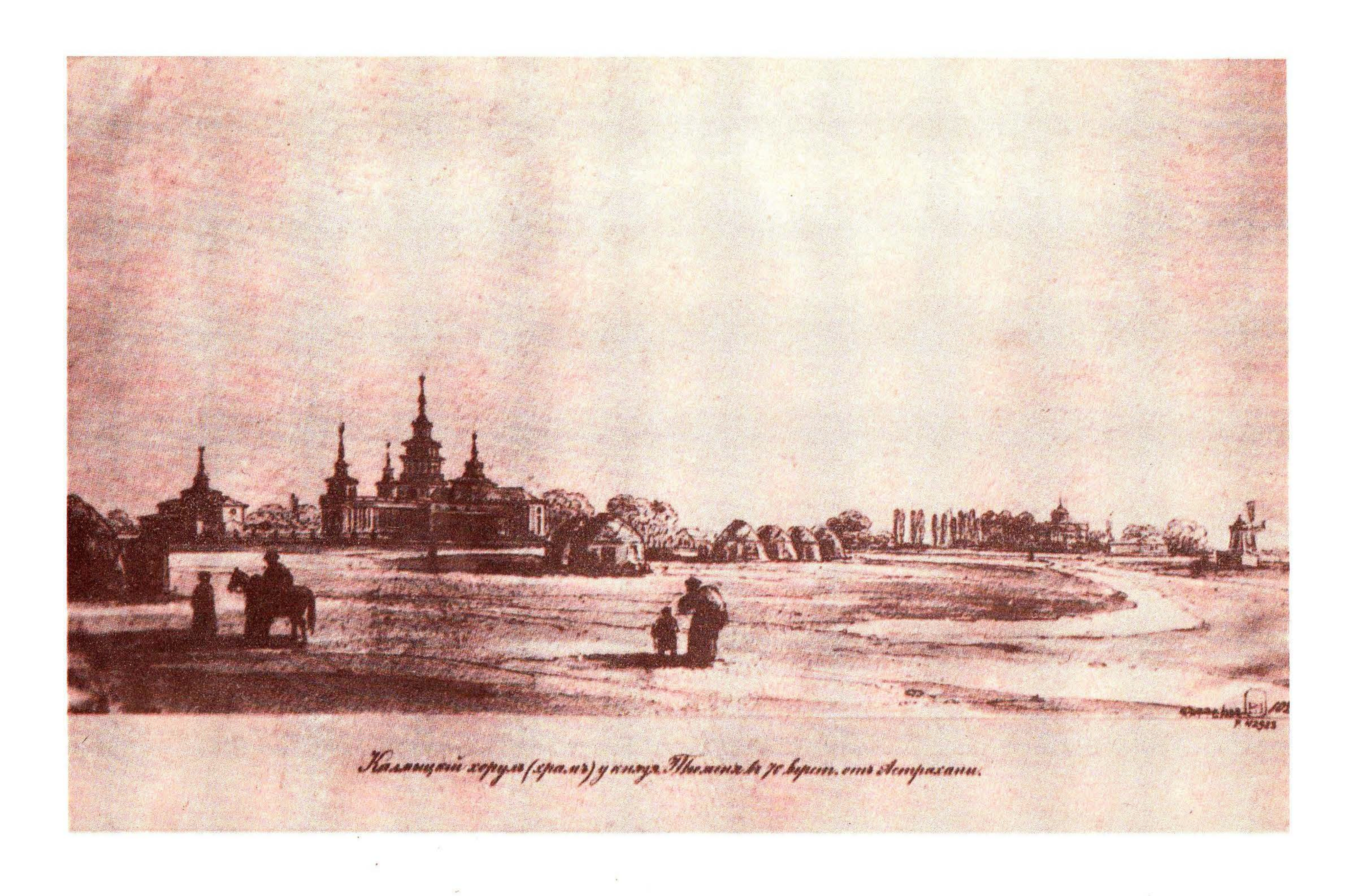
С монументальной живописью ойрат-калмыки познакомились еще во времена принятия ламаизма. Изображения богов и людей, растений и животных украшали стены Аблаинкита и монастыря Семь палат. Можно предположить, что росписи украшали и другие замки-монастыри ойратских правителей.

В XIX веке еще сохранялись тесные связи калмыков с Тибетом. В Лхасе получали высшее и духовное образование или стажировались все высшие ламы, а также зурхачи — астрологи, эмчи — врачи, зурачи — живописцы. Зурачи перенимали у тибетских мастеров приемы живописи не только икон — дарцигов, но и настенной росписи. Сейчас трудно определить, насколько часто применялись росписи в калмыцких храмах, каковы были их сюжеты. Росписи исчезли вместе с храмами. Поэтому росписи в Хошеутовском храме ценны как уникальный пример монументальной живописи калмыков.

Об остальных элементах интерьера храма можно судить лишь по свидетельствам и рисункам очевидцев (см. ил. 5, 7). Стены молельни, как уже отмечалось, были увешаны иконами-дарцигами. Посетивший храм в начале XX в. ученый-монголовед А. М. Позднеев писал: «Стены храма... разделаны под белый мрамор, а деревянные полы под паркет».

У западной стены молельни в нише был устроен алтарь (см. ил. 8). Он возвышался на одну ступень над полом остального помещения и отделялся от него декоративной перегородкой. Алтарь был украшен тканями, серебряными лилиями и прочими культовыми атрибутами.

В центре алтаря на возвышении находилось скульптурное изображение Богдо Цзонхавы. Отлитое из металла и позолоченное, оно было раскрашено и обернуто шелковой тканью. Перед ним сто-

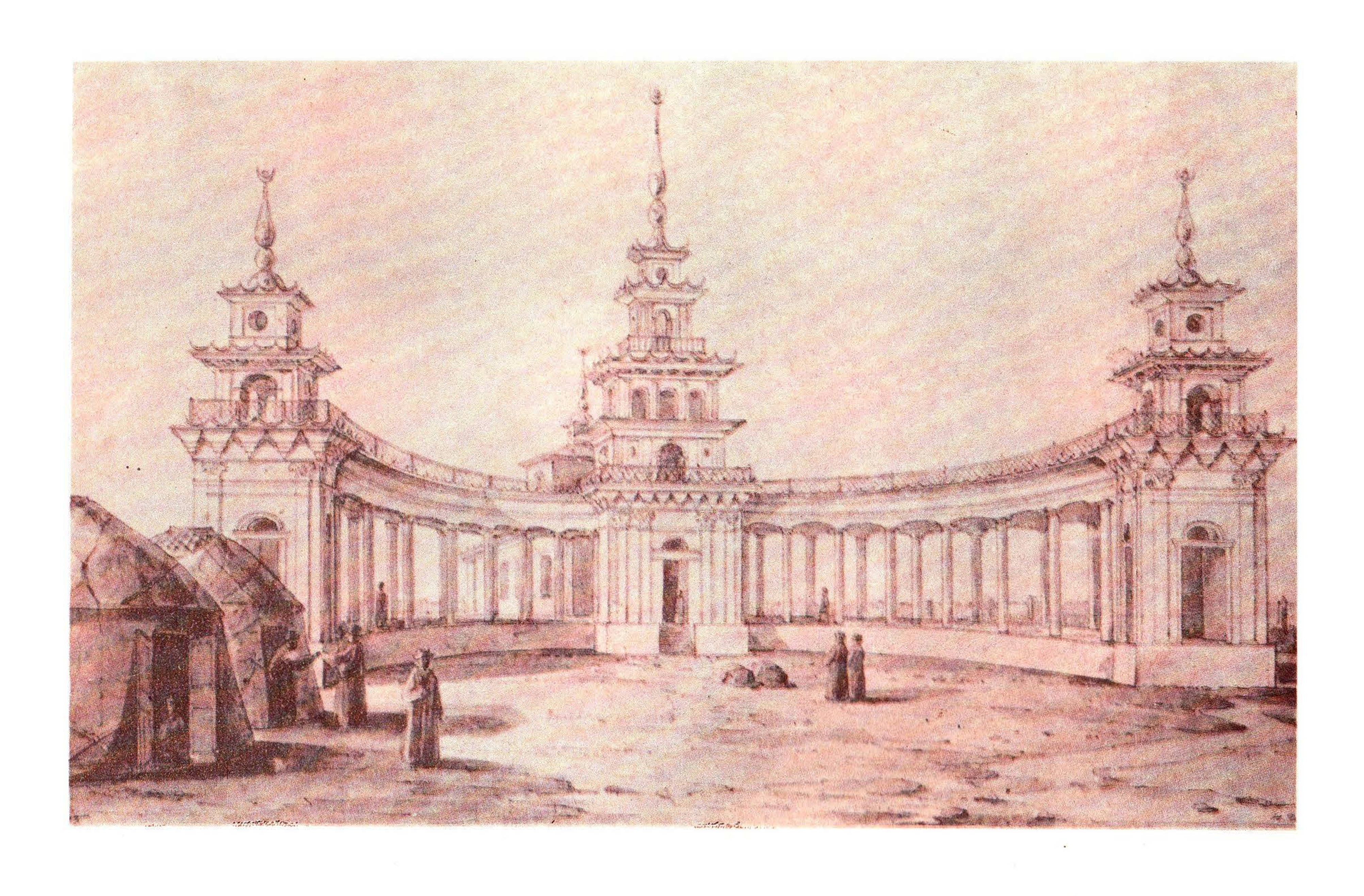
1. *Н. Г. Чернецов.* **Калмыцкий хурул (храм) у князя Тюменя в 70 верстах от Астрахани.**

2. *Н. Г. Чернецов.* **Калмыки — воины Второго калмыцкого астраханского кавалерийского полка, участники похода 1812 года. 1838 г.**

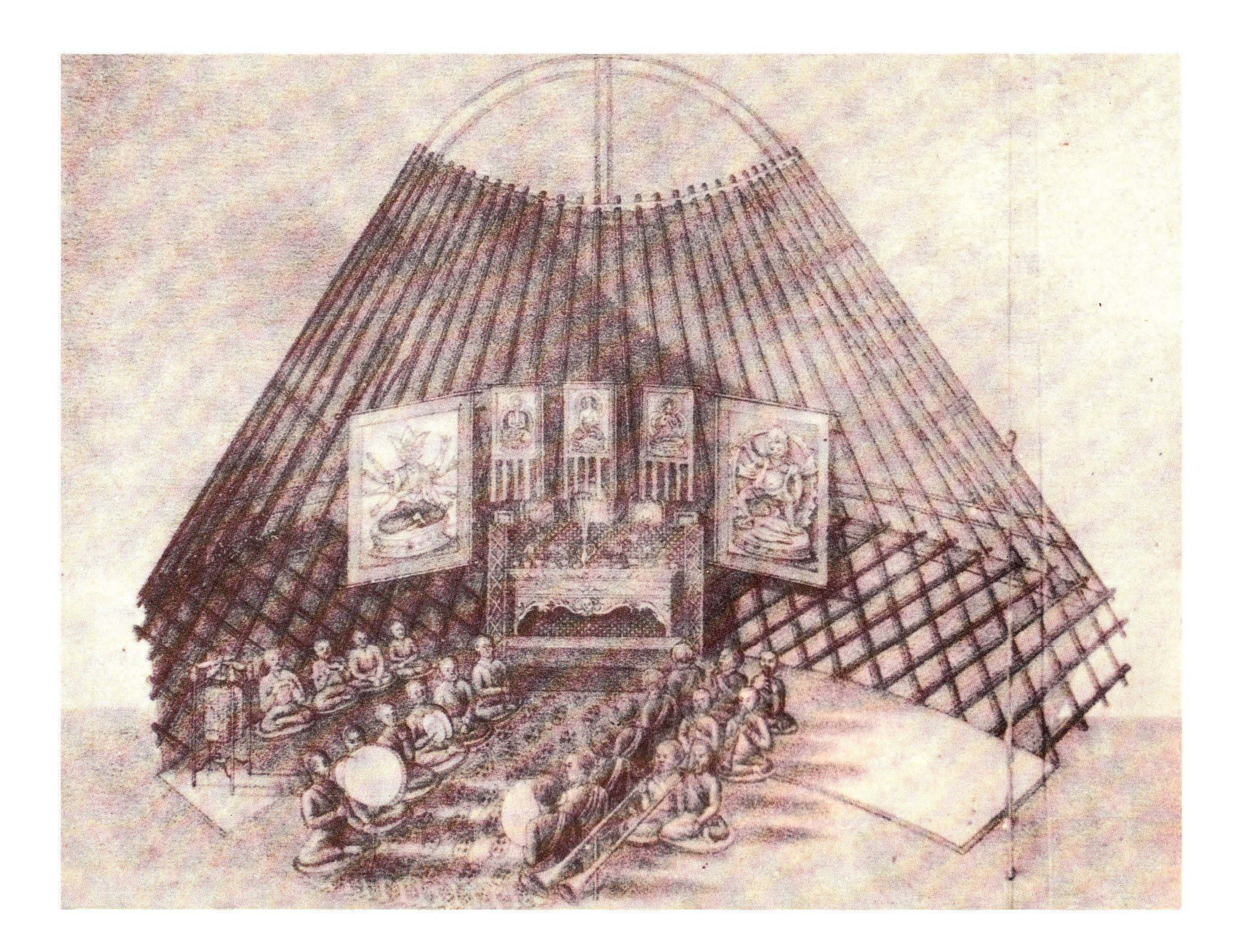
3. Сербеджаб Тюмень. *Рисунок А. С. Маркова по эскизу Н. Г. Чернецова.* **1970-е гг.**

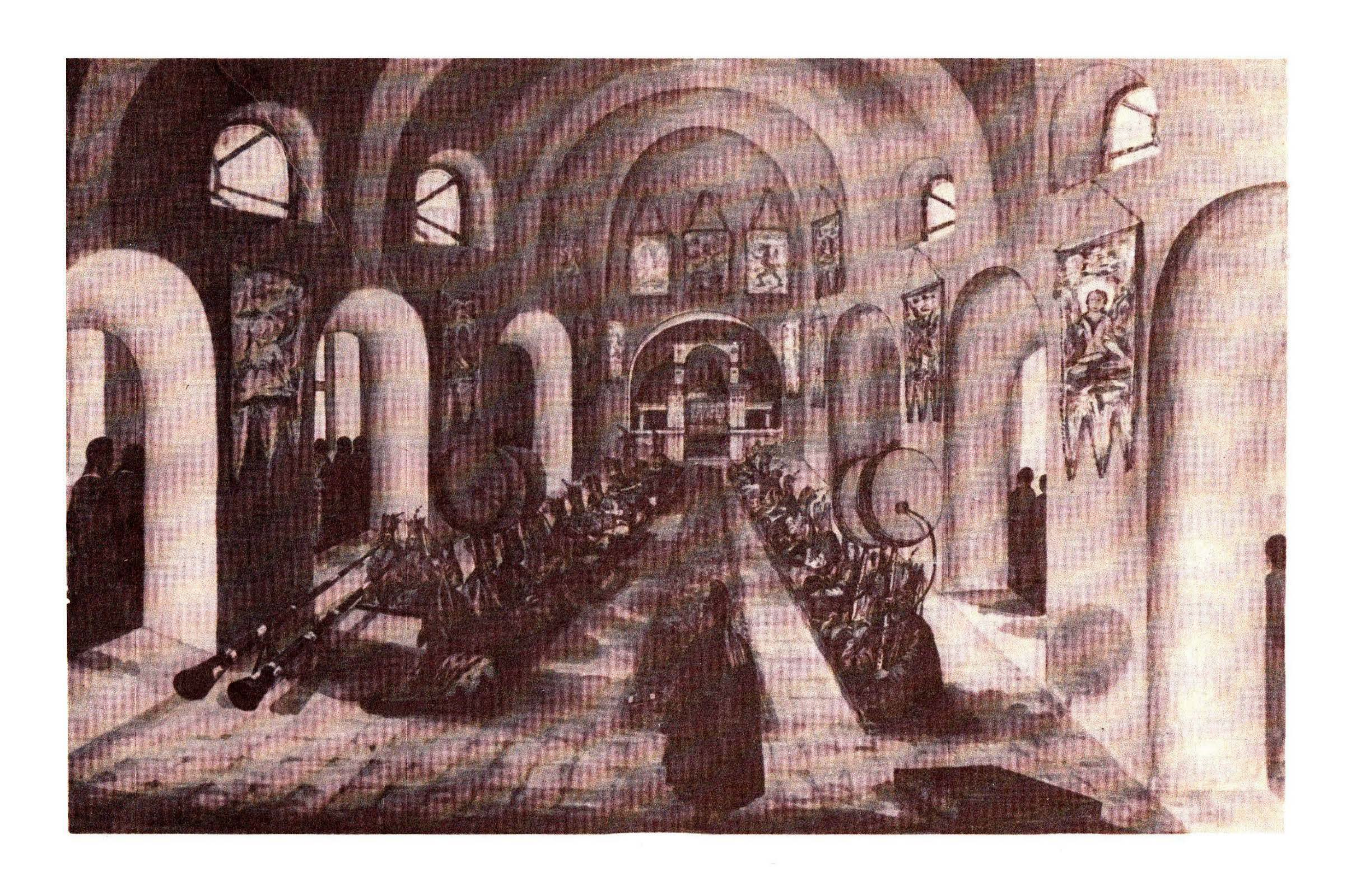

4. *Н. Г. Чернецов.* Главное сюмэ Хошеутовского хурула. 1838 г.

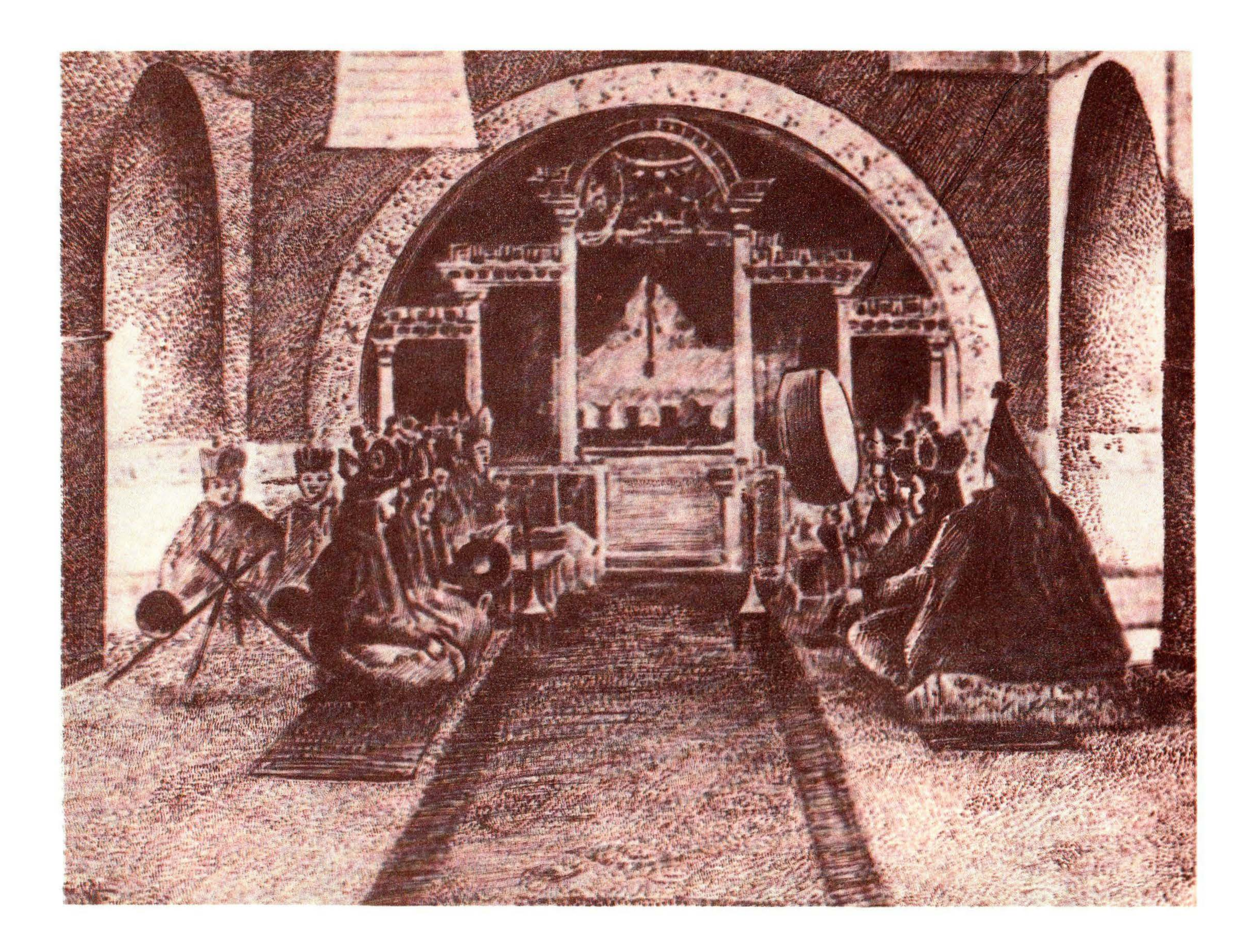
5. *Неизвестный художник.* **Интерьер молельни. Сер. XIX в. (?)**

6. *Неизвестный художник.* **Хурла гер. Внутренний вид. Перв. пол. XIX в.**

7. *Г. и Н. Чернецовы.* **Интерьер молельни Хошеутовского хурула. 1838 г.**

8. *Неизвестный художник.* **Фрагмент интерьера молельни. Алтарная часть. Сер. XIX в. (?)**

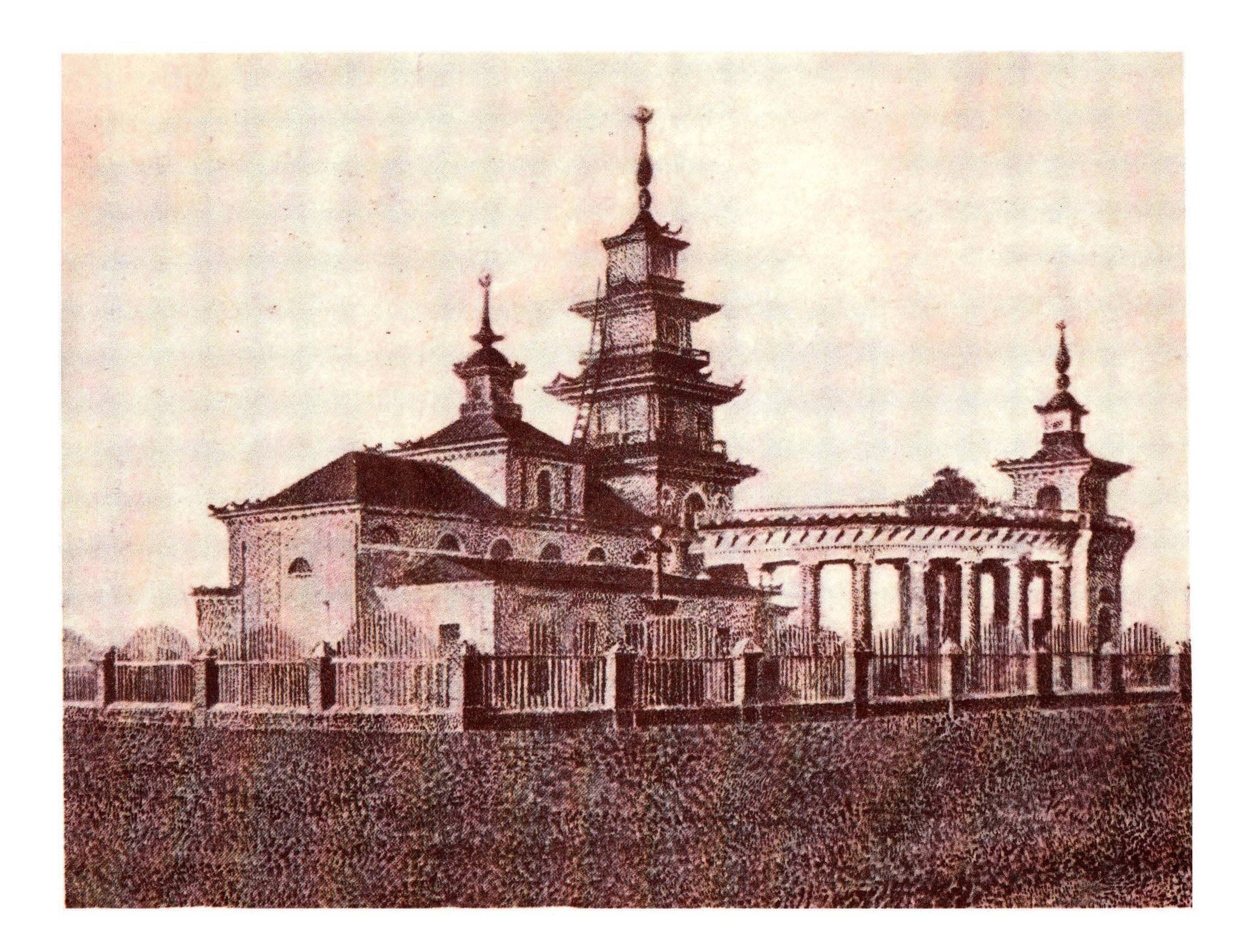

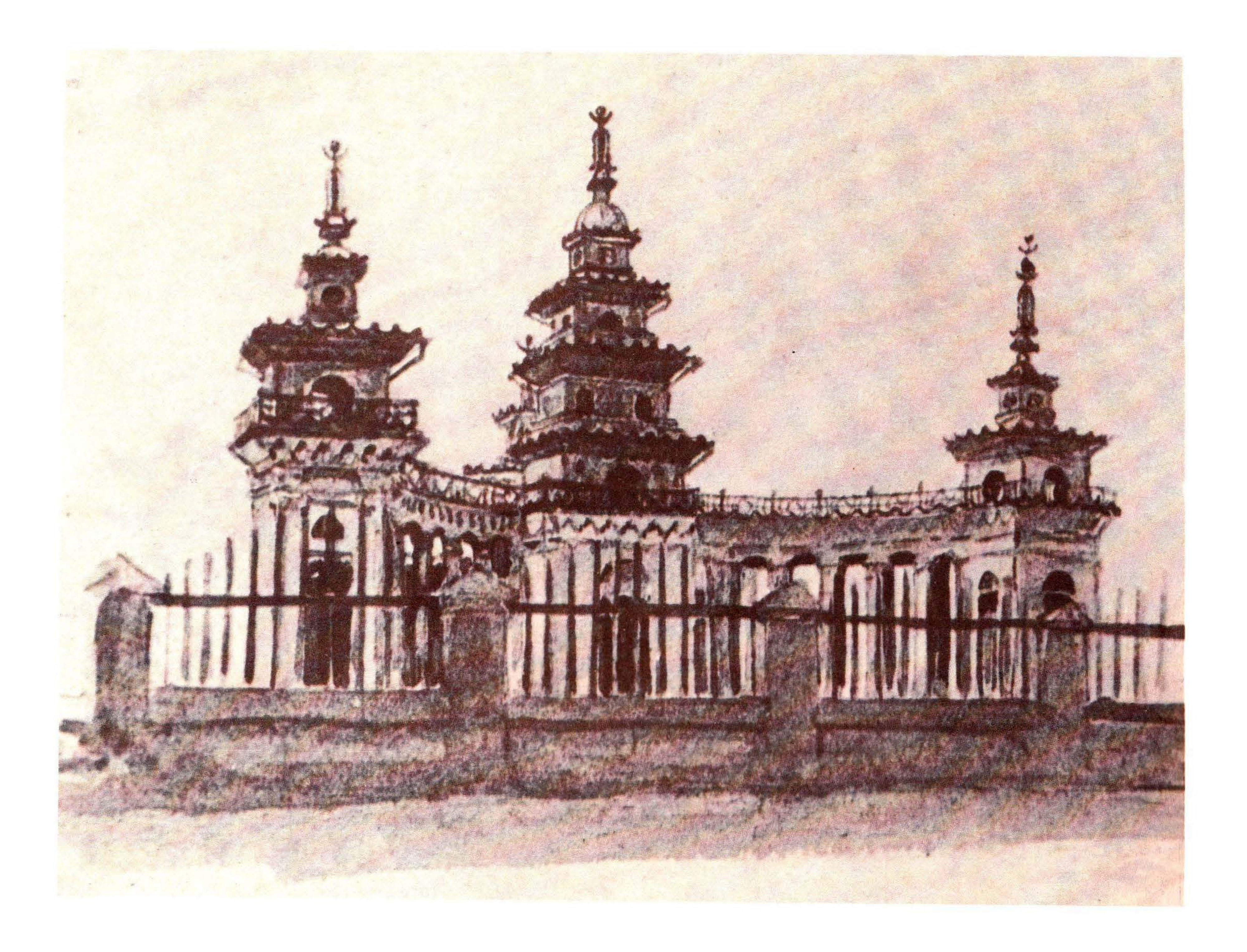
9. Богдо Цзонхава. Бронза, позолота. Втор. пол. XIX в. (?)

10. Фрагмент кладки стен храма.

11. Вид главного сюмэ со стороны Волги. 1904 г.

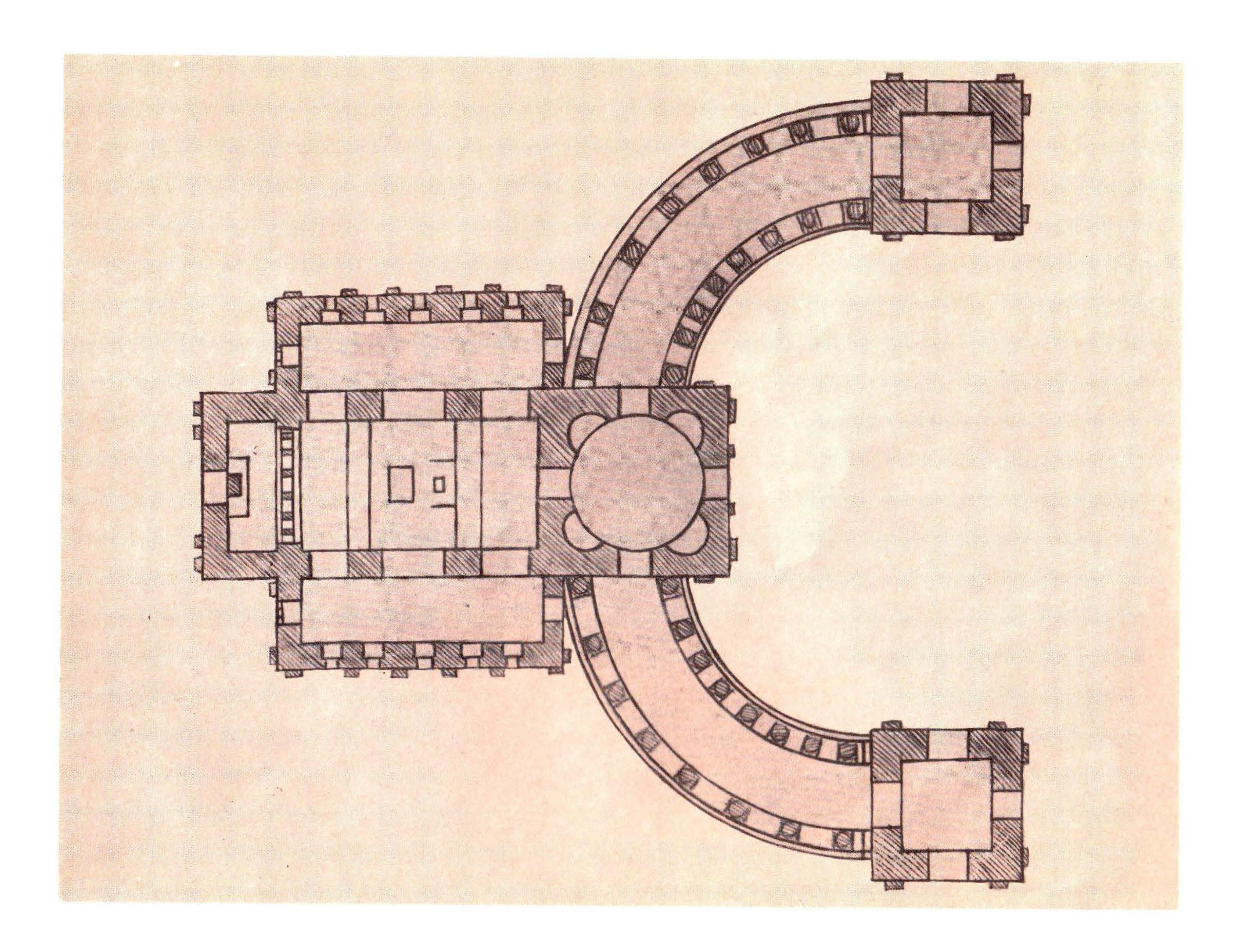

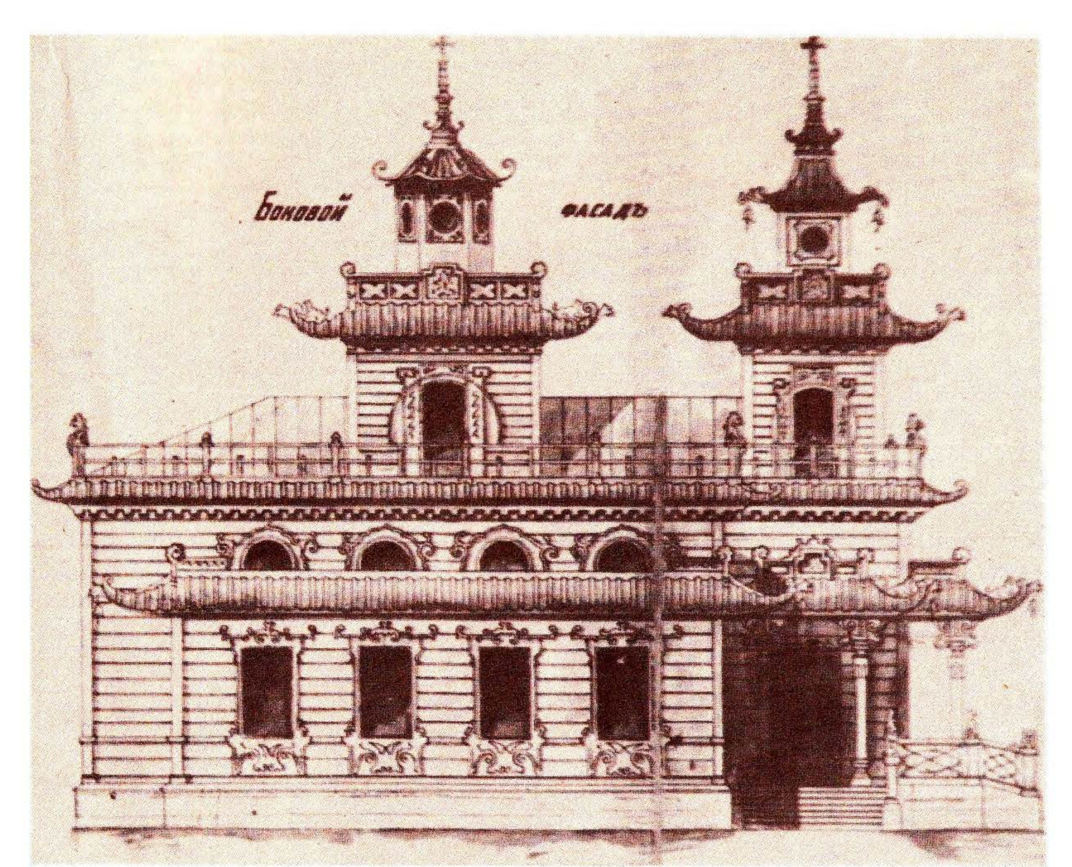

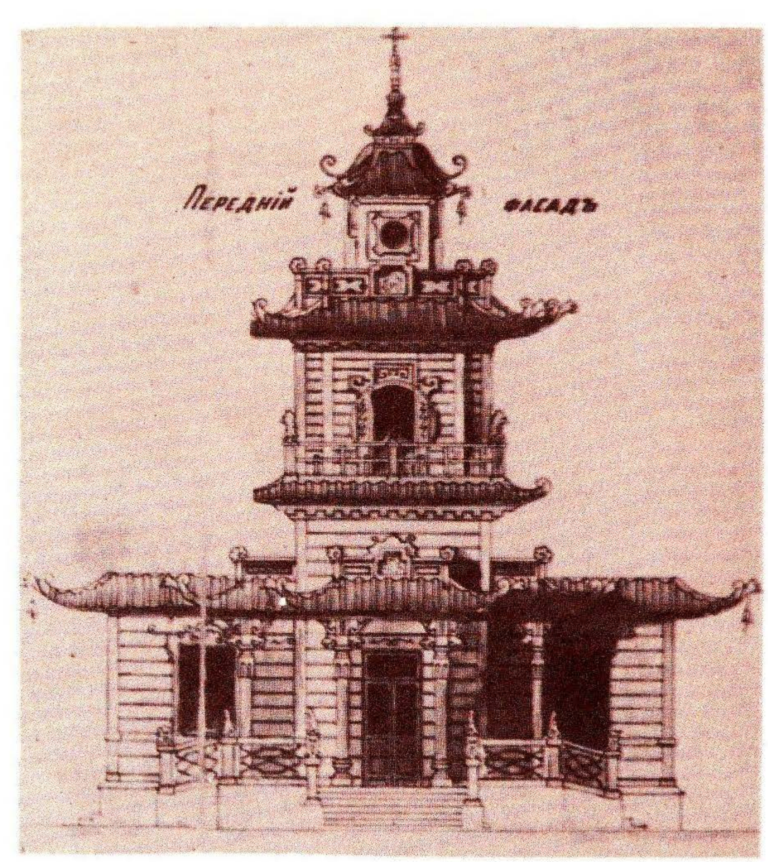
12. *Неизвестный художник.* Храм после реставрации 1907 г.

13. Субурган в урочище Аран Булук (Сарпинский район). Фото начала XX в.

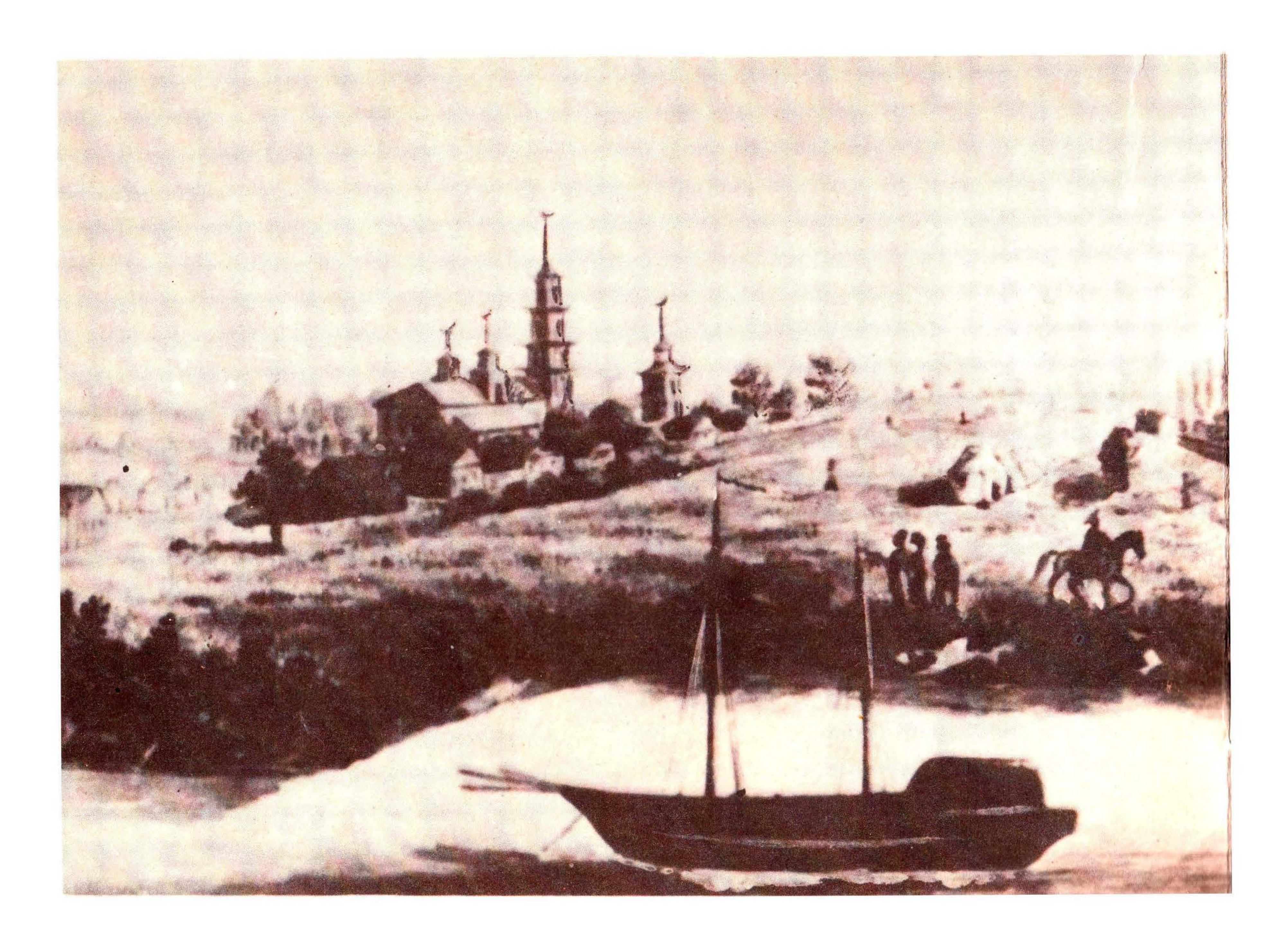

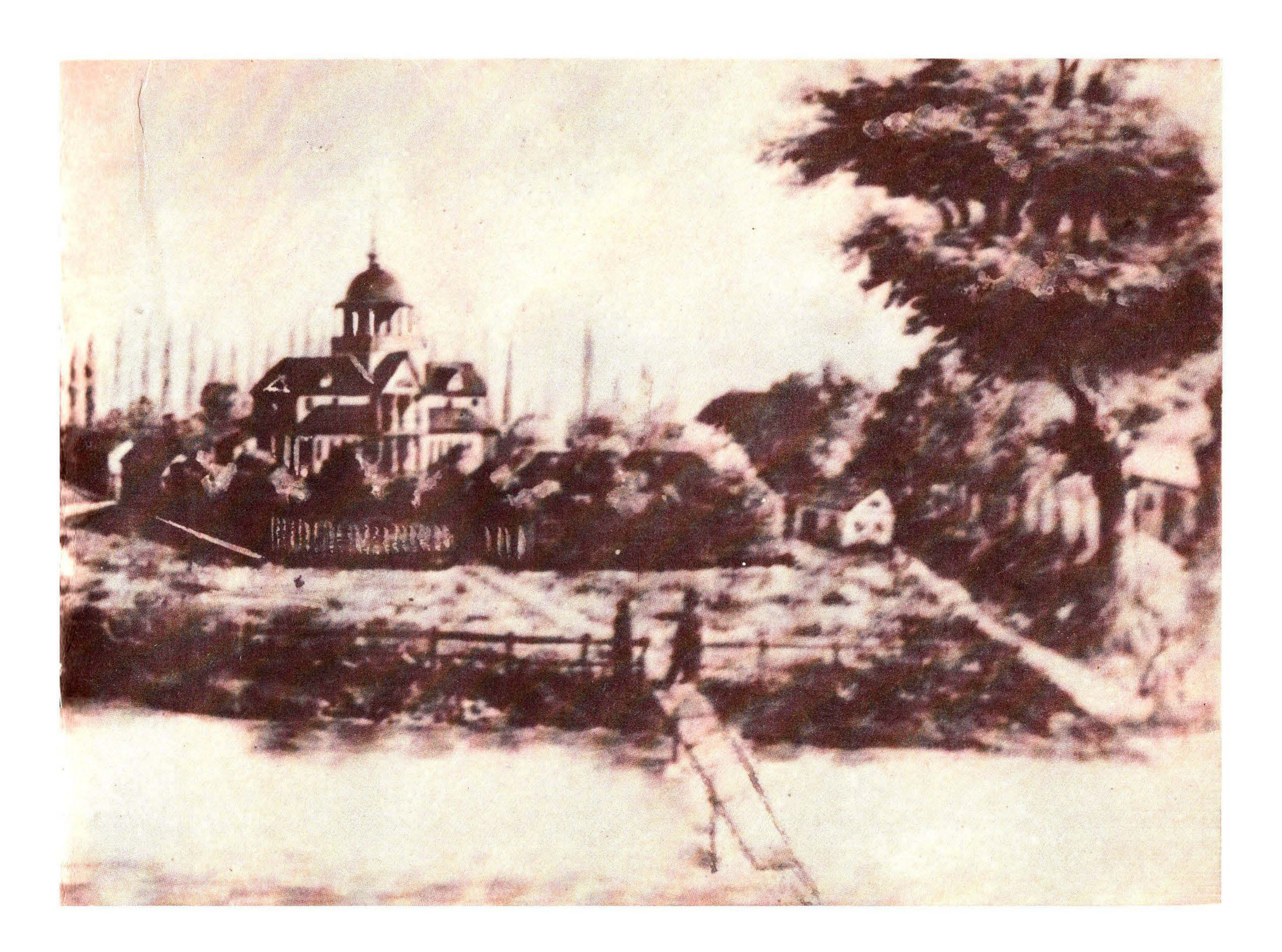

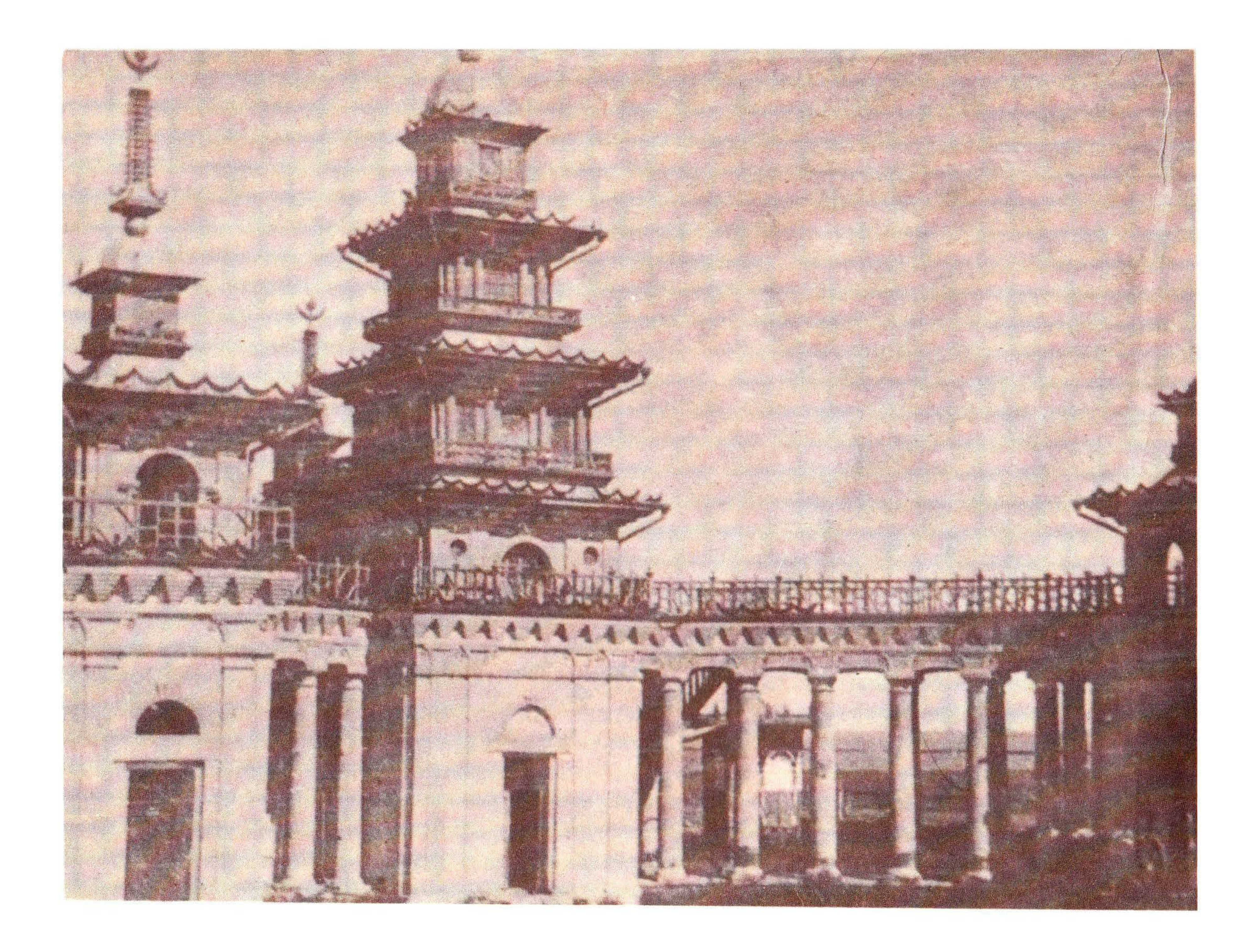
15. Боковой и передний фасады храма в урочище Кицен Булук. *Чертеж В. Б. Варганика — Вальдовского.* **1903 г.**

14. План Хошеутовского хурула. *Копия чертежа В. В. Суслова.* **1880-е гг.**

16. *Г. и Н. Чернецовы.* **Ставка калмыцкого владельца князя Тюменя. 1838 г.** →

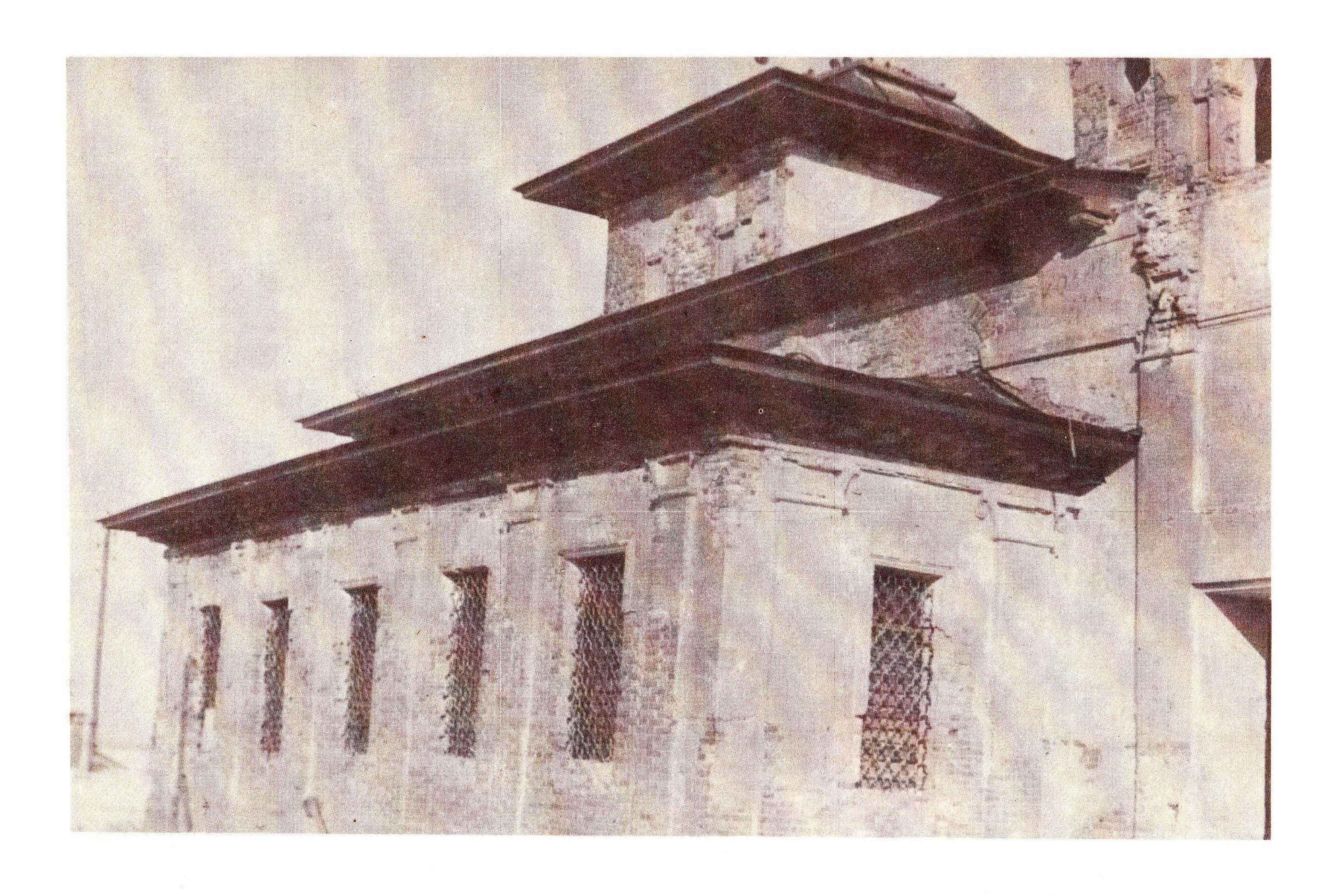

17. Хошеутовский храм в 1930-е гг.

18—19. Главная башня храма. Верхние и нижний ярусы. 1970-е гг.

20. Левый боковой неф молельни. 1970-е гг.

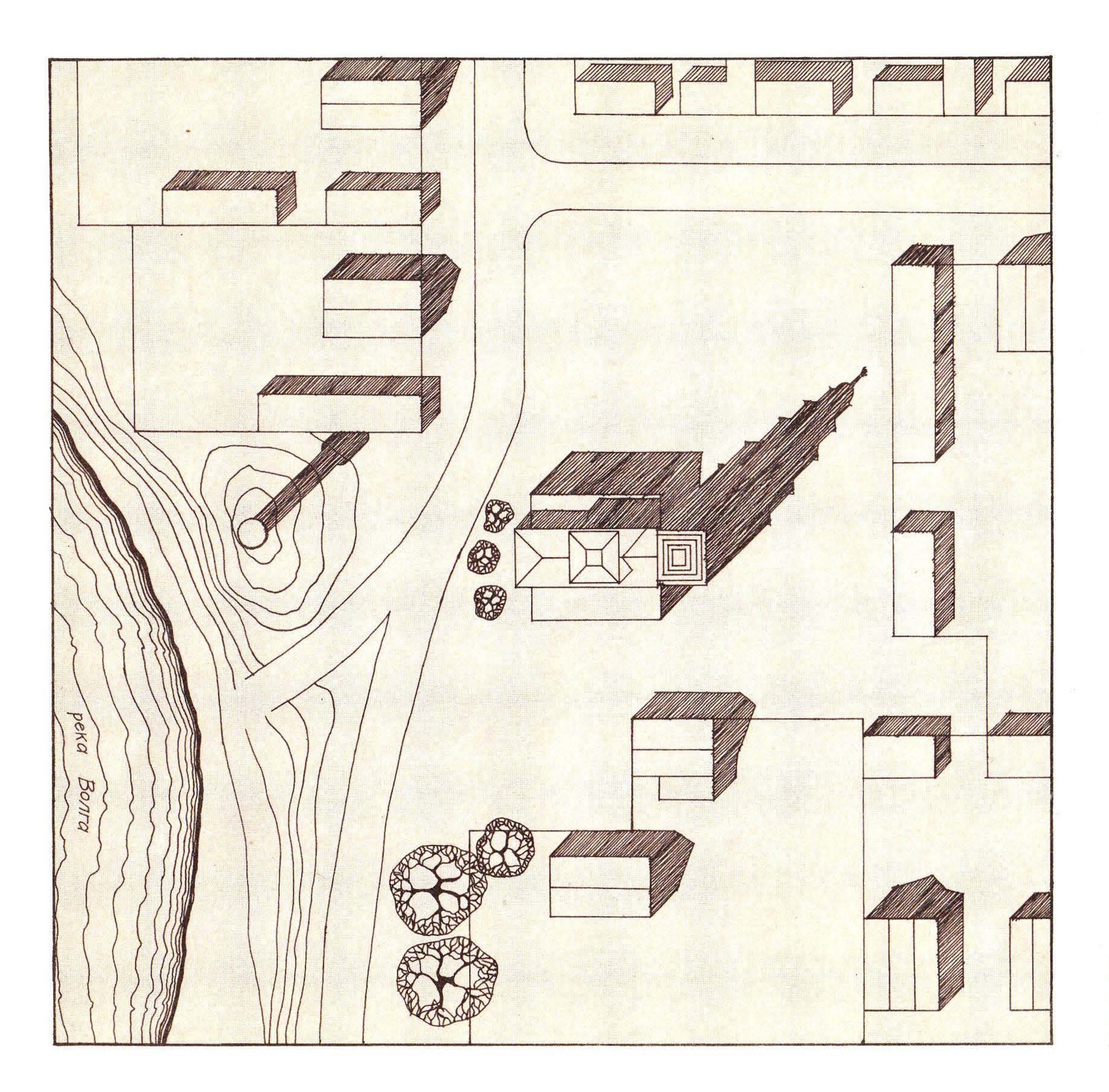
21. Храм в 1986 г.

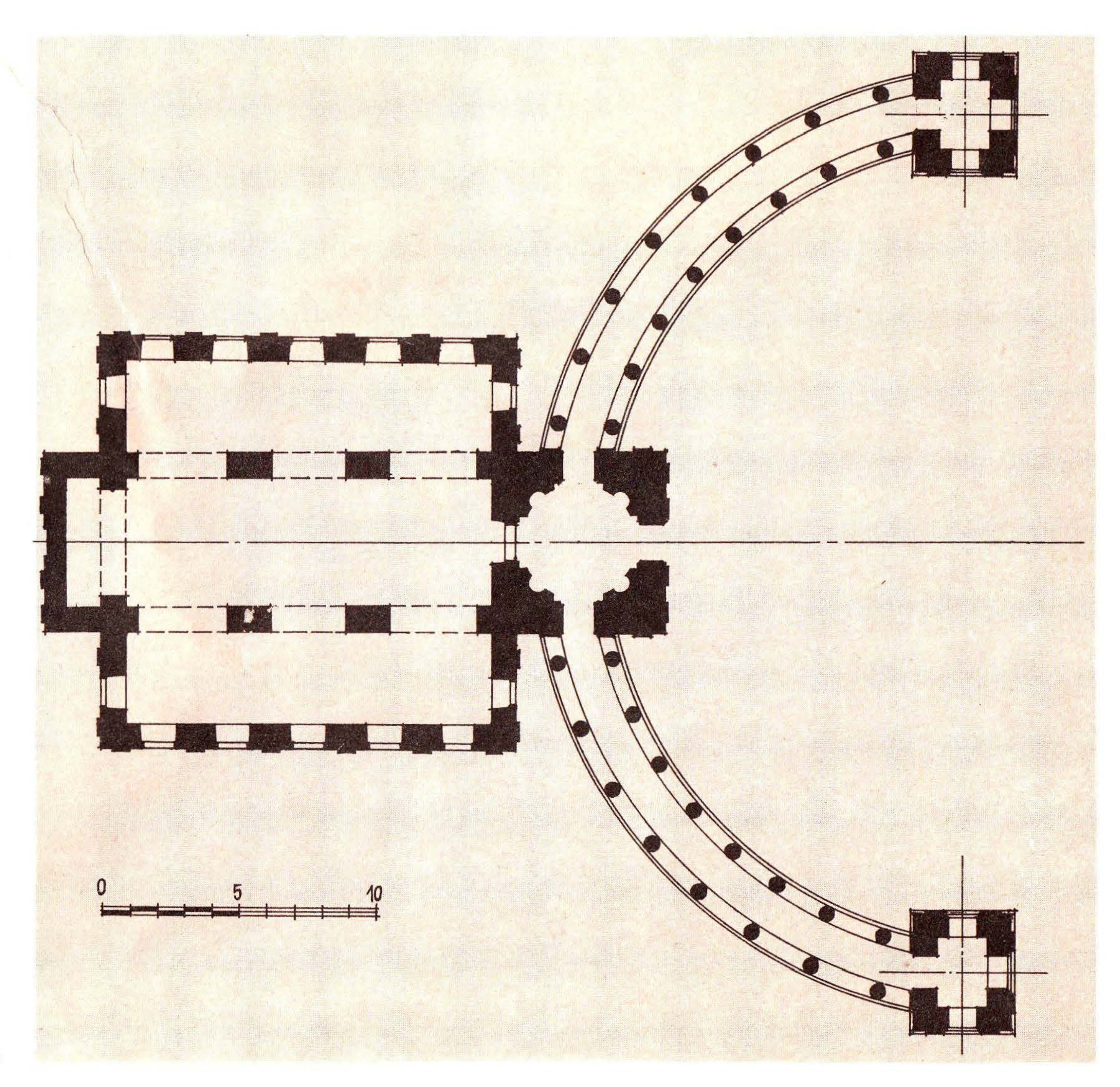

22—23. Внутренний вид молельни в 1986 г.

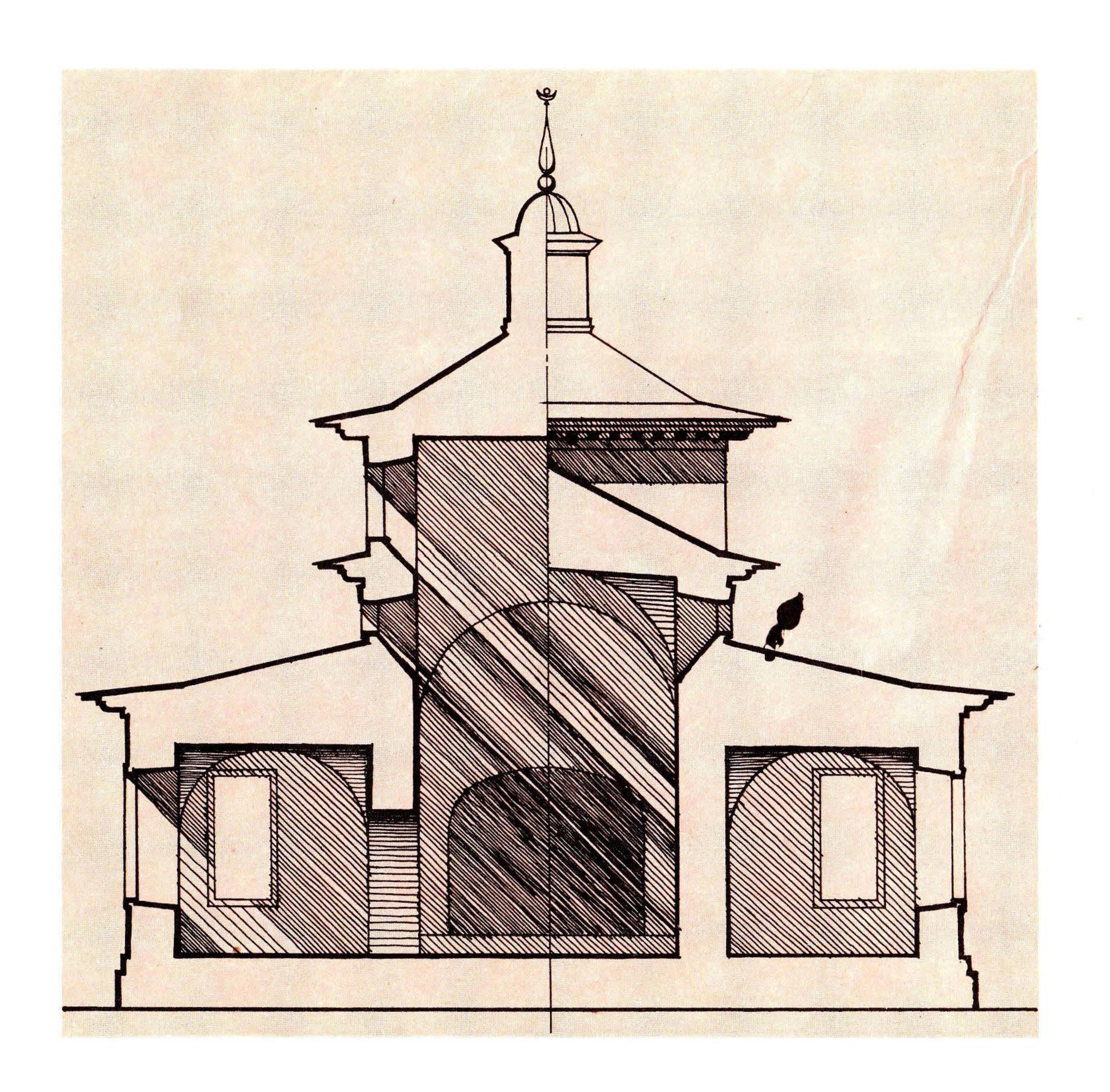

24. План Хошеутовского хурула.

Данный и последующие чертежи, обмеры и реконструкция Б. Мошулдаева.

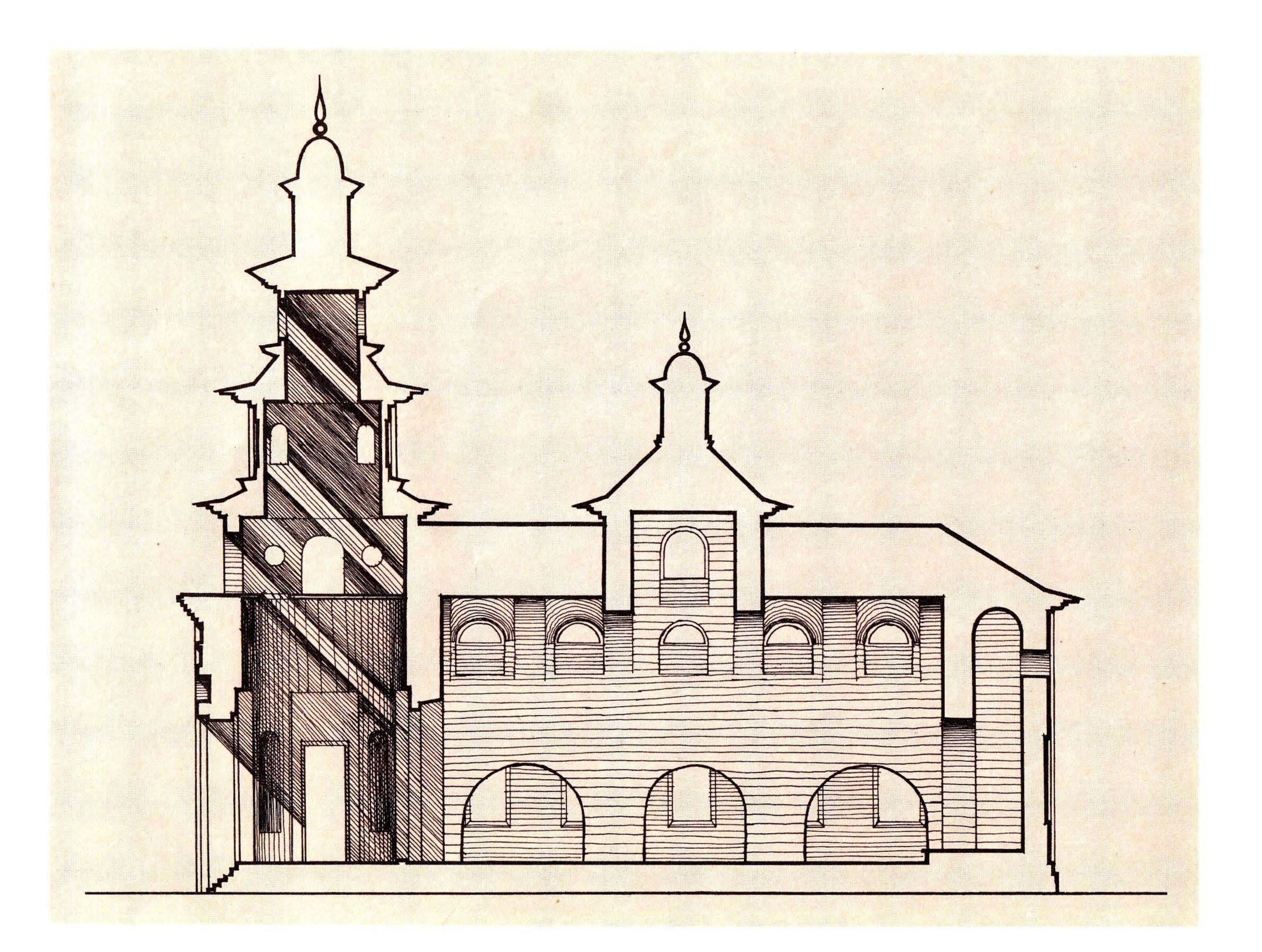

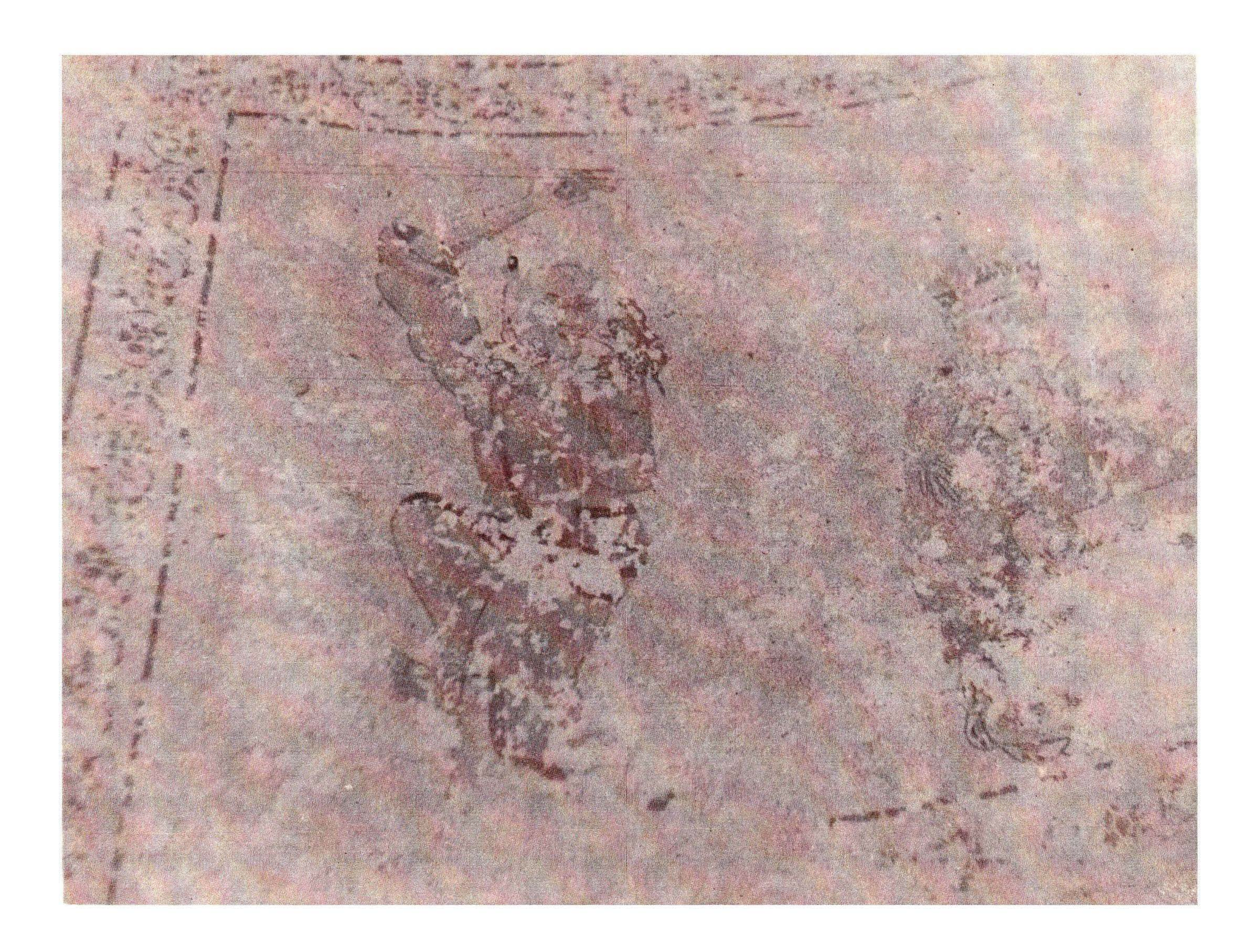
25. План главного сюмэ.

26. Поперечный разрез молельни.

27. Продольный разрез главной башни и молельни.

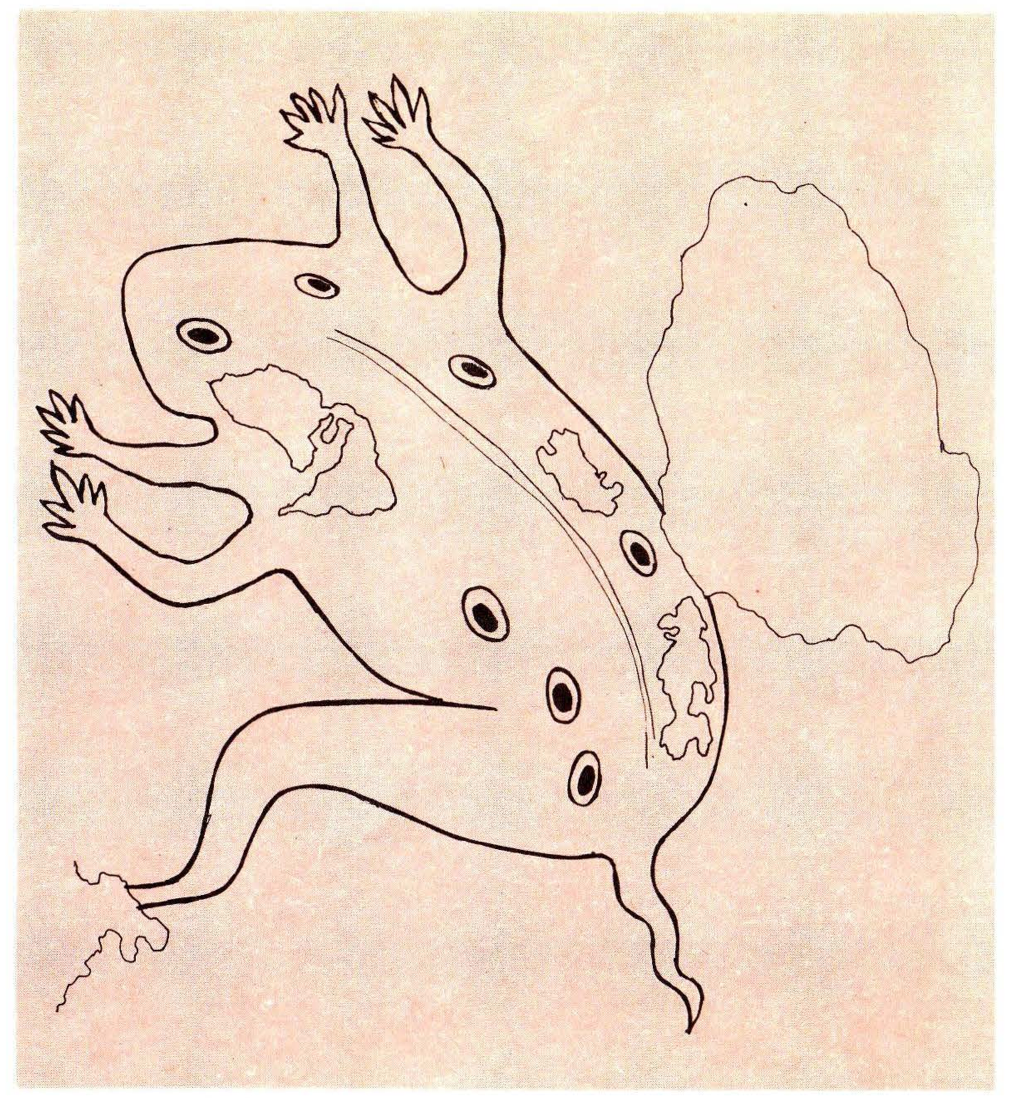

28. Состояние настенных росписей в 1986 г.

Рисунки сохранившихся фрагментов росписей Б. Мошулдаева. 1983 г.

29. Человек в желтых одеждах.

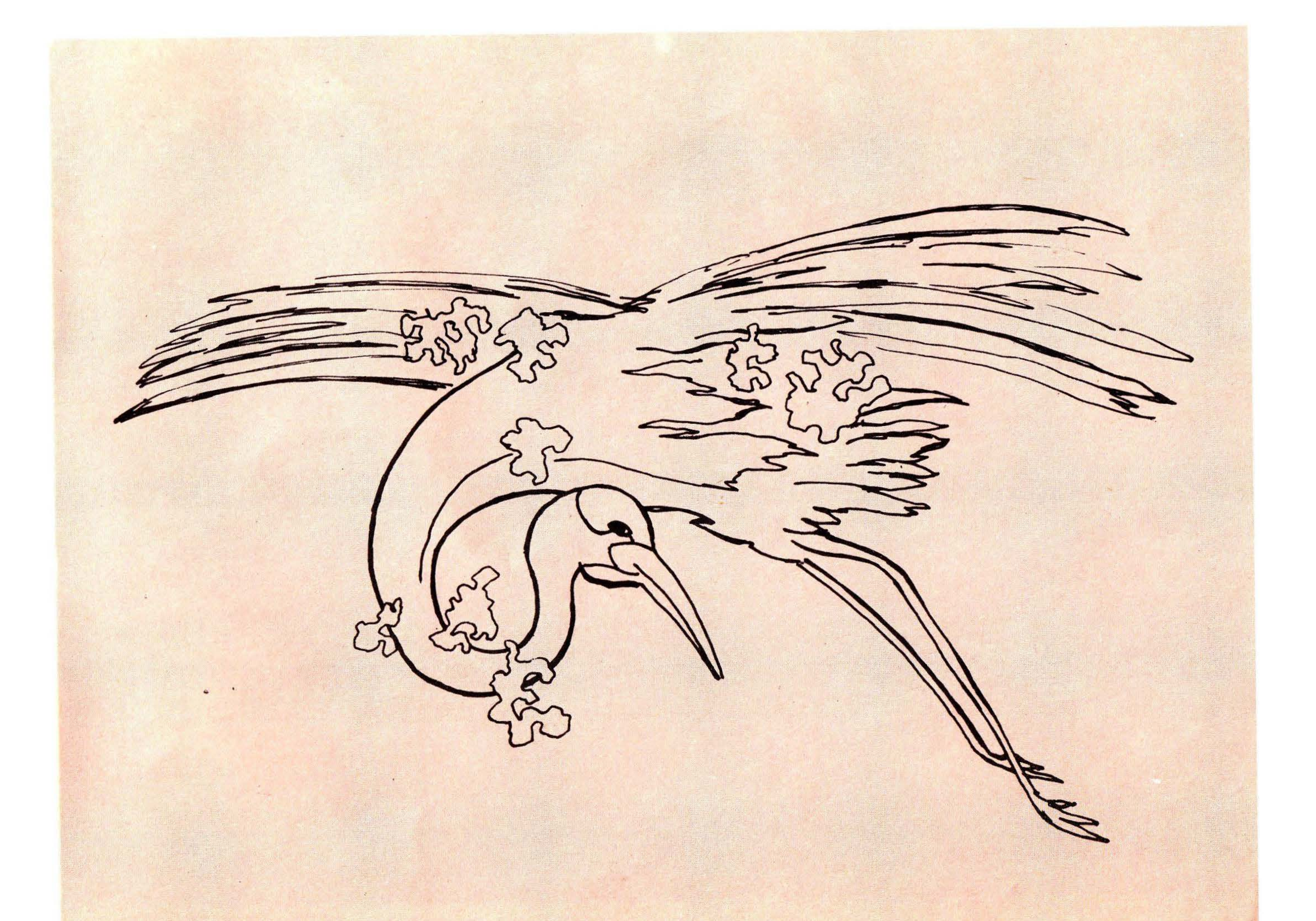

30. «Танцующий» монах.

31. Мифическая лягушка на плече «танцующего» монаха.

32. Летящий журавль.

33. Родовая тамга хошеутов.

яли столики с серебряной посудой, наполненной освященной пищей и водой. Видимо, во время богослужений в центр молельни выставлялся столик с курительными свечами и другими необходимыми для отправления службы предметами.

По-видимому, интерьер главного сюмэ хурула выглядел впечатляюще, так как очевидцы описывали его с большой заинтересованностью и восхищением. Росписи, меблировка, иконы, скульптура, их расположение и цветовые решения — все подчинялось строгим канонам религии и являло собой цельную гармоничную картину, что было характерно для всех ламаистских храмов.

* * *

Величественный образ Хошеутовского хурула произвел огромное впечатление не только на простой люд, но и на зодчих. Недаром И. И. Житецкий, один из исследователей истории и быта астраханских калмыков назвал его «самым изящным зданием во всей степи калмыцкой». Его оценили как народные мастера, так и профессионалы. Так, архитектор Управления калмыцким народом В. Б. Варганик-Вальдовский в 1903 году разработал проект храма в урочище Кицен Булук в южной части Малодербетовского улуса. В местном архиве сохранились чертежи и планы этого здания, по которым прослеживается его сходство с главным сюмэ Хошеутовского хурула. Схожи объемы моделен и главных ярусных башен (см. ил. 15). Несомненно, Варганик-Вальдовский использовал композиционную схему храма Победы, отказавшись, впрочем, от галерей и малых башен. А отдельные элементы его декоративной отделки он перенес на проект чайного павильона в Калмыцком Базаре, который был построен в 1909 году.

Что касается народного зодчества, то влияние архитектуры Хошеутовского храма сказалось здесь еще больше. Это тема отдельного обстоятельного исследования. Напомню лишь тот факт, что в дальнейшем применение стилизованных субурганов в качестве завершения башен стало традиционно для всех калмыцких храмов.

Таким образом, можно с уверенностью сказать, что Хошеутовсткий храм явился большим событием в архитектуре Калмыкии и оказал несомненное влияние на ее дальнейшее развитие. Восстановление и всестороннее изучение его пополнило бы многие страницы в истории калмыцкого культового зодчества.

ХРАНЯ ТРАДИЦИИ И ВЕРУ

Калмыцкие хурулы, помимо их культового назначения, являлись также центрами сосредоточения культуры и знаний, хранили традиции народа, принесшего из далекой Джунгарии свою веру, обычаи, искусство. Само вероучение, которое исповедовали ойраты и калмыки, — ламаизм — сконцентрировало в себе огромные пласты культуры средневекового Востока. Калмыцкие священнослужители поддерживали связь с единоверцами в других странах, чем постоянно поддерживали и обогащали свою культуру.

Религиозные каноны сформировали особые школы иконописи, скульптуры, музыки, воздействовали на развитие науки и литературы. Каждый крупный хурул располагал библиотекой, оркестром, был украшен иконами и скульптурными изображениями божеств.

При хурулах были школы и духовные училища,

которые являлись единственными очагами грамотности в калмыцких степях до появления светских школ в семидесятых годах прошлого века. Гелюнги (священнослужители) обучали учеников-мальчиков азбуке монгольского, калмыцкого и тибетского языков, чтению и письму, игре на ритуальных музыкальных инструментах.

В училище языки изучались более глубоко. Здесь преподавали также теософию буддизма, начальные курсы математики, географии, астрономии, тибетской медицины.

Со временем наиболее крупные хурулы стали специализироваться по отраслям знаний. Так, в Икицохуровском улусе находился хурул «Эмчи ахатен» (храм главного целителя), который славился своими врачами. Желающие совершенствоваться в астрологии — зурхачи тяготели к Большому Малодербетовскому хурулу. Дунду хурул в Малодербетском улусе и Большой Барунов хурул были центрами зурачей.

Хошеутовский хурул был одним из самых крупных в калмыцких степях и центральным в улусе и выполнял соответствующие его статусу функции.

По свидетельству А. М. Позднеева, в нем насчитывалось 80 рисованных полотен, 27 литых бурханов и различные музыкальные инструменты. Каждый из этих предметов культа был в то же время и произведением искусства. Одни изготовлялись местными мастерами, другие были вывезены и присланы из Тибета, Монголии и других стран. Большую художественную ценность представляли и росписи на стенах.

Как отмечал С. Монастырский, автор «Иллюстрированного спутника по Волге» (Казань, 1884): «...в каменном хуруле много разных священных для поклонников ламы предметов, выписанных из Китая».

Особенно славился Хошеутовский хурул своей богатой библиотекой. А. М. Позднеев видел часть ее, а монахи рассказывали ученому, что ранее здесь хранились десятки тысяч старинных рукописных книг.

Отличало Хошеутовский хурул и то, что он хранил память об участии калмыков в Отечественной войне 1812 года. Непосвященным посетителям рассказывали предысторию создания храма, показывали знамя Второго калмыцкого полка, пробитое французскими пулями. Здесь проходили основные торжества по случаю празднования в калмыцких степях, как и по всей России, 100-летия победы над Наполеоновской армией.

Хошеутовский хурул стал также центром празднования 300-летия добровольного вхождения калмыцкого народа в состав России. И конечно, в хуруле проводились все большие религиозные праздники, которые являлись в то время праздниками всенародными.

Немало делал для поддержания авторитета и материального благосостояния хурула Серебджаб Тюмень. Он же способствовал тому, что добрая слава о хуруле распространилась далеко за пределы улуса и даже калмыцких степей.

Дело в том, что князь отличался гостеприимством и хлебосольством. Он часто принимал гостей у себя в имении, где устроил жизнь и быт на европейский лад. Это решение пришло к нему после заграничного похода, когда он побывал во многих странах, познакомился с иным укладом жизни, более высоким уровнем развития цивилизации. Путешествовавшие по Волге в середине двадцатых годов прошлого века сарептские немцы Цвикк и Шилль писали: «Калмыки после войны... принесли с собой многие нравы. Серебджаб... жил уже не в палатке из мехов, но в деревянном замке при Вол-

ге.., который украсил зеркалами, люстрами, бильярдами, фортепьяно, часами с музыкой... К замку примыкал небольшой, но прекрасный сад».

В программу развлечений гостей князя обязательно входило посещение хурула, иногда присутствие на службе.

Кроме того, многие путешественники и по собственному почину приезжали осмотреть храм, привлекавший внимание своим необычным обликом. К тому же, хурул был удачно расположен — на Волге, неподалеку от губернского центра Астрахани. Со временем он стал обязательным местом посещения проезжающих по Волге на пароходах обществ «Кавказ-Меркурий» и «Самолет».

Так, уже с момента окончания строительства, Хошеутовский хурул стал одной из достопримечательностей калмыцких степей, которую осмотрели многие путешественники, в том числе и достаточно известные. Тюменевку посетил в 1829 году немецкий естествоиспытатель Александр Гумбольдт, оставивший в своем дневнике одно из первых письменных описаний Хошеутовского храма: «Храм составляет четырехугольное здание с японской кровлей. Дверь у строения на одном из узких боков храма, а от нее идут по обе стороны полукружьями колонны, как в Казанском соборе в Петербурге».

В 1838 году на лодке совершали путешествие по Волге русские художники братья Григорий и Никанор Чернецовы. В ноябре они побывали в пределах Астраханской губернии и, конечно, осмотрели Хошеутовский хурул. Художники сделали несколько рисунков внешнего и внутреннего вида храма и рассказали об этом эпизоде путешествия в своих воспоминаниях.

В 1858 году гостем Тюменей был Александр Дюма. На знаменитого писателя большое впечатление произвели и природа, и культура, и весь восточный уклад жизни степного края. Возможно, не без преувеличений, со свойственными ему эмоциональностью и юмором Дюма-отец так описывает свое посещение Хошеутовского храма в письме к сыну: «... Этот милый князь, у которого кроме пятидесяти тысяч лошадей, тридцати тысяч верблюдов... имеется двести семьдесят священников, из коих одни играют на цимбалах, другие — на кларнетах, третьи — на морских раковинах,четвертые — на трубах длиною в двенадцать футов — прежде всего устроил нам в своей пагоде Те Деит (тебя бога славим — Ред.), огромное достоинство которого заключалось в его краткости. Еще пять минут — и я вернулся бы к тебе, лишенный одного из своих пяти чувств».

Хурульный оркестр произвел большое впечатление и на Василия Ивановича Немировича-Данченко, русского писателя, брата известного режиссера Владимира Ивановича Немировича-Данченко. Василий Иванович был в храме в 1900 году, присутствовал на богослужении. В своих воспоминаниях он отметил необычный для европейского слушателя оркестр, который отличался, по его мнению, мелодичностью и определенной эмоциональной выразительностью.

Хошеутовский хурул привлекал внимание не только любителей восточной экзотики, но и специалистов: архитекторов, этнографов, востоковедов. Одним из первых (в середине XIX в.) здесь побывал этнограф П. И. Небольсин, основоположник либерально-демократического направления в историографии Калмыкии. Художественные особенности хурула отмечены в этнографических очерках ссыльного народника И. А. Житецкого. Выше приводились свидетельства известного монголоведа А. М. Позднеева. Академик архитектуры Владимир Сус-

лов включил описание хурула и чертежи его планировки в свои «Заметки о калмыцких и древнерусских постройках».

Значение и авторитет Хошеутовского хурула в калмыцких степях были достаточно высоки. И не только потому, что он был сильным культовым центром, имел знаменательную историю создания, отличался необычной архитектурой. Хошеутовский хурул, как и всякий другой, играл свою роль в поддержании и развитии культурных традиций своего народа, а также достойно представлял эту богатую и самобытную культуру перед теми, кто желал с нею познакомиться.

Поэтому можно с полным основанием назвать Хошеутовский хурул не только историческим и архитектурным памятником, но и памятником культуры.

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

Хошеутовский хурул как уникальный историко-архитектурный и культурный памятник был по достоинству оценен в прошлом и начале нынешнего столетия.

Им восхищались, его любили, о нем заботились. Именно благодаря неустанным хлопотам и труду хурул имел тот ухоженный, торжественный вид, который так радовал взор наших прапрадедов.

Кроме постоянного мелкого ремонта проводились, как известно, две крупные реставрации комплекса. Их даты — 1867 и 1907 годы — были выбиты над главным входом в храм. Возможно, именно во время первой реставрации деревянные колонны галерей были заменены каменными. А в 1907 году хурул готовили к предстоящему празднованию столетнего юбилея Отечественной войны 1812 года. Ремонтно-реставрационные работы проводилисі под руководством архитектора Управления калмыцким народом В. Б. Варганика-Вальдовского. В Госархиве Калмыцкой АССР обнаружена акварель неизвестного художника с изображением главного сюмэ хурула (см. ил. 12). По всей вероятности, на ней запечатлен храм после последней реставрации: свежеокрашены стены и колонны, обновлены детали украшений пагодных членений.

К сожалению, ныне только по таким рисункам да письменным описаниям очевидцев мы можем судить о том, как выглядел Хошеутовский хурул во всей своей красе. Ныне из всего архитектурного комплекса уцелела лишь молельня и центральная башня, деревянные ярусы которой обветшали и вот-вот рухнут.

Удручающее впечатление производит и внутренний вид помещения. Штукатурка стен, сводов, декоративных элементов отслаивается и отпадает. Стены испещрены «вечными» надписями типа «Здесь был Вася». Разобраны двери и печи. В алтарной части на месте ложного окна пробит проем. Более мелкие разрушения невозможно перечислить.

Трагическая судьба Хошеутовского хурула, увы, типична для большинства памятников старины в нашей стране. Началась она в период культштурма, когда хурул прекратил свою культовую деятельность. Почти ровно через сто лет после рождения памятника начался второй, несчастливый его век.

В тридцатые годы постройки все больше приходили в запустение. Здание главного сюмэ приспосабливали и использовали некоторое время под клуб. А в пятидесятые годы здесь разместили зерносклад. В начале шестидесятых были разобраны малые башни и галереи, что нанесло комплексу огромный ущерб: оказалась утраченной устремленная к центру композиция. Был разрушен также верхний деревянный ярус башни над молельной частью.

Удивительно, что несмотря на почти семь десятков лет разорения, храм еще не стерт с лица земли окончательно. Крепко сработали старые мастера. Мало пострадали кованые ажурные решетки на окнах добротной кузнечной работы (см. ил. 20). Почти цел пол из мощных, почти в ладонь толщиной досок крепкого дерева. Видно, что попытки разобрать его были, но не увенчались успехом. Только в северо-восточной части молельни отсутствуют несколько досок, открывая вход в подполье. До сих пор ходят легенды о подполье Хошеутовского хурула, в котором якобы хранятся то ли сокровища, то ли священные реликвии. Правда, пока никто из самых отчаянных авантюристов не решился проверить достоверность слухов, настолько забито это таинственное помещение мусором.

Зато очевидно, что еще не окончательно утрачены несомненные сокровища храма — росписи на стенах. Если спасти хотя бы ту незначительную часть, что еще не осыпалась, это даст богатейший материал для изучения нашим искусствоведам и, возможно, позволит реконструировать остальное.

Вопрос о необходимости сохранить и восстановить Хошеутовский храм поднимался не однажды. В печати, на радио, телевидении, в обществе охраны памятников, в постановлениях Совета Министров и Президиума Верховного Совета республики. Дело доходило до того, что отпускались, и не раз, определенные денежные средства на реставрационные работы. Но тратились эти деньги на реставрацию... астраханских архитектурных памятников.

Как очень многое в нашей жизни, вопрос спасения Хошеутовского комплекса упирается в ведомственный барьер. Дело в том, что в результате незаконной ликвидации автономии калмыцкого народа в 1943 году, территория Хошеутовского улуса отошла к Астраханской области и впоследствии, после восстановления автономии, не была возвращена. Так единственный памятник калмыцкого зодчества оказался в ведении астраханских властей, которые, естественно, озабочены в первую очередь состоянием своих, более многочисленных архитектурных достопримечательностей.

Правда, нельзя не отдать должное отдельным представителям астраханской общественности, которые принимают горячее участие в судьбе погибающего памятника калмыцкой культуры. Это писатель А. С. Марков, архитектор В. П. Никитин, краевед Н. Жиляков.

Надо сказать, что и в нашей республике все, что ни предпринималось ради спасения Хошеутовского храма, делалось такими же энтузиастами или по их инициативе. Так, в разные годы состоялись три неофициальные самодеятельные экспедиции в Речное. По собственному почину специалисты самых разных профессий: ученые, краеведы, архитекторы, художники, кинооператоры отправлялись из Элисты в дальний путь, чтобы осмотреть храм, отснять его на кино- и фотопленки, сделать обмеры, чертежи, зарисовки, приблизительно определить объемы и виды реставрационных работ.

Благодаря им, энтузиастам, о Хошеутовском храме стало известно широкой общественности республики, которая в свою очередь забила тревогу.

И все же итог всех усилий пока незначителен. Удалось установить охранную доску на здании. И, что более существенно, открыть счет в Жилсоцбанке, на который желающие могут перечислить деньги для реставрации Хошеутовского храма.

Этот счет **700446**.

Как некогда на добровольные пожертвования трудового калмыцкого народа храм строился, так и теперь он может быть «всем миром» восстановлен. Надо отметить, что средства поступают на счет Хошеутовского комплекса не столь активно, как хотелось бы.

Возможно, это происходит потому, что сейчас в республике решается вопрос о строительстве действующего хурула. Многие полагают, что дело это более важное, легче осуществимое, что средства, в него вложенные, оправдаются раньше и наверняка.

Восстановление же Хошеутовского храма, расположенного далеко за пределами Калмыкии, некоторым представляется затеей безнадежной.

Это не так. По мнению специалистов, спасение его возможно. Правда, еще немного, и будет поздно. Многое, в том числе фрески, исчезнет безвозвратно. Приступать к реставрации надо незамедлительно. Да, потребуются немалые усилия, большие хлопоты и затраты средств. Большие, но не непосильные. Ведь это все-таки единственный такой памятник на всю республику.

Главное, необходимо осознать всю остроту, весь трагизм сложившейся ситуации. До сих пор мы старались доказать всю уникальность памятника, его историческую и художественную ценность. Но есть еще одно мерило его ценности — нравственное.

Мы разучились уважать свое прошлое, а значит, и самих себя. Этот погибающий храм — наше отражение. В нем, как в капле воды, наша историческая судьба, национальное достоинство, любовь к своей культуре, наша память.

И отношение наше к нему сейчас, в критический момент — на грани его окончательного исчезновения, это отношение к самим себе, к своей душе и совести.

Храм еще можно спасти! И пренебречь такой возможностью мы не вправе. Ведь так мало осталось у нас. Исчезает язык, забыты традиции, обычаи. Как же бережно надо хранить то, что чудом уцелело. Каждое усилие, каждый шаг в этом деле окупится сторицей.

Мы даже не подозреваем, как много может дать нам этот храм, если мы позаботимся о нем. Он станет важнейшим источником изучения материальной и духовной культуры калмыков для ученых — историков, этнографов, искусствоведов. Он окажется мощным средством — в стократ сильнее многословных лекций — в нравственном и эстетическом воспитании молодежи. Вся история его создания пронизана идеей интернационализма, и он будет служить ярким наглядным примером сплетения судеб братских народов.

В храме можно устроить историко-этнографический музей или музей народного быта. Он вновь станет пунктом посещения туристов, путешествующих по Волге. И сколько людей восхитятся им, познакомятся с искусством калмыцкого народа.

...Поскрипывают деревянные ярусы башни, шуршит осыпающаяся штукатурка. Храм еще стоит, не сдается. Каждым квадратным сантиметром стены, каждой клеточкой сопротивляется ветру, морозам, сырости, жаре... Он еще на что-то надеется, ждет помощи.

Его спасение зависит от нас.

СВИДЕТЕЛЬСТВУЮТ ОЧЕВИДЦЫ

*А. **Евреинов**. Пир у владетельного калмыцкого князя Сербиджеб-Тюменя Джиргалова.* — «Современник». СПб, 1852, № 10 (октябрь). С. 132, 133, 136—137.*

...Этими-то улусами управлял князь Сербиджеб-Тюмень Джиргалов. Покойный князь резко отличался от своего племени, как представитель немалой части его, обладающий большими средствами, и как человек, не чуждый образования. В молодости он служил, как и все почти калмыцкие владетельные князья, в казачьей службе и с подвластными ему калмыками совершил в годину тяжелых испытаний России поход во Францию; был в Париже, усвоил себе европейский быт и жил роскошно.

...Он построил себе, на луговой стороне Волги, большой, прекрасный дом, меблировал его и жил в нем почти по-европейски. Князь имел при себе многочисленную прислугу из калмыков, приученных к новому быту; завел при доме сад из фруктовых дерев и виноградника; устроил конский завод; начал производить запашки хлеба; роскошно принимал у себя всех приезжающих; давал пиры и, наконец, для водворения между калмыками оседлости, выстроил для них на нагорной стороне Волги селение.

...Оседланные лошади, экипажи возможных сортов ожидали везти нас версты за полторы в Хурул** на богослужение калмыков. Хурул построен в прилегающей к луговому берегу Волги степи. Он здесь действительно чудное явление. Архитектура его чисто в китайском стиле. Остроконечные, в несколько рядов, крыши, с острыми загнутыми углами, и весь остальной вид его крайне напоминают китайские пагоды. Параллелограммная внутренность его довольно обширна, с куполом, поддерживающимся, отступя от стен, шестью колоннами, стоящими параллельно. Противу двери полукруглое углубление, где поставлены идолы, самые уродливые. Перед ними, на деревянных тарелках, лежит мясо, пшено, мед: это — жертвоприношения. Между помянутых колонн сидят на полу, в ряд один против другого, гимонги*** (гелюнги — Ред.). Простых богомольцев никого не было. Нам объяснили, что народ в Хурул не имеет права ходить: эта честь принадлежит только посвятившим себя служению веры, и они молятся за всех.

Костюм гимонгов: свободный парчевый халат, остроносые сапоги с огромными каблуками, плоские, в виде тарелки, желтые шапки с черными околышами, из-под которых виднеются бритые головы и длинные черные, завитые из оставленного на

---

* Здесь и далее имена собственные, монашеские звания и другие калмыцкие наименования сохранены в авторском написании — Ред.

** Хурул — капище, в котором стоят идолы.

*** Гимонги — жрецы

теме чуба, косы. Один из них что-то читал по-калмыцки, а прочие сидели в благочестивом молчании, держа рожки, большие раковины, медные тарелки; четверо — какие-то бубны на палках и деревянные молоты, и двое — полусаженные медные трубы. Читавший взял на своем небольшом рожке самую высокую ноту, и все виденные нами до сего инструменты издали дикие, резкие, раздирающие слух и душу звуки. Они то ослабевали, то достигали до визга, то сходили на сопрано, то возвышались до высшего дисканта. Что это? вопли душ, молящих Будду о спасении и милости, или восторги допущенных к подножию святыни избранных? Для меня, непосвященного в таинства их обрядов, они составляли одну резкую дисгармонию; а разъяснить это было некому. Четверть часа мы слушали то краткое чтение непонятных нам молитв, то эту музыку.

А. В. Терещенко. Улус хошотоский или хошоутовский || Москвитянин. Т. 1, № 1—2. Отд. VII. М., 1854. С. 59—62.

...Дом князей Тюменевых известен всему астраханскому краю по своим достоинствам, радушию и образованности, и мне остается только, повторяя общие отзывы, дополнить, что они пекутся об образовании своего улуса и помогают бедным... Храмы и келии духовенства выстроены и поддерживаются ими. Сюмэ (главное капище) построено в китайском вкусе, с башнями и портиком, окруженным каменными столбами, образующими двор, и сюда сходится народ для слушания слубжы, ибо в их кумирню почти никто не входит, за исключением духовенства, и иногда присутствуют князья.

Во двор входят не в ворота и не в калитку, коих нет и не делают, по религиозному уставу, но по мосткам, положенным через забор. На верху капища поставлена посеребренная луна, а на ней укреплено вызолоченное солнце. В хурул (служебное место)[1] сзывают свистком, сделанным из раковины и издающим звук охотничьего рога; сзывают три раза в день: по восхождении солнца, в полдень и пред закатом солнца. При входе моем в сюмэ, раздались трубы, медные тарелки, литавры, барабаны, свистки и звонок. Музыка была оглушительная, разнообразная, малоприятная, и производилась гелюнгами (жрецами), сидевшими в два ряда на коврах, поджавши ноги... У всех их ноги, руки до плеч и грудь были обнажены; в хурул входят босыми. Трубы были трех родов: одни ганддама, оправленные в серебро; бишкюр, в виде гобоев; бюра, длиною в сажень. Бишкюр и бюра металлические. Звонок (хонга), побольше почтового, украшен изображениями, бурханами и священными письменами. Остальные инструменты были без украшений и особых отличек, кроме того, что они смесь европейско-азиатской формы. С одного конца стоял гепкю (уставщик и благочинный), с жезлом в руках, наблюдавший за правильностью служения и поправлявший, если кто ошибался в ноте. Гелюнги были одеты в разноцветные шелковые и парчевые ризы, и господствующий цвет платья — красный и желтый; поверх риз были накинуты красные плащи, а некоторые имели через плечо желтые перевязи (оркюмджи); на головах их были

---

[1] Хурул собственно значит собрание, от глагола хураху— собираться. В каждом улусе находится хурул, окруженный жилищами гелюнгов. Дома духовенства и хурул носят общее название курие и куре — ограда, а в переносном смысле жительство духовенства. Жилище молитвенное называется бурхани — орьгли. Хурул может отправляться иногда в кибитке.

шапки в роде корон, с остроконечными углами, из-под шапки висели по плечам по две искусственные косы, из черных широких лент. Гепкю или гепки, по имени Арша, был одет в длинное атласное малинового цвета с опушкою платье, похожее на чапан, только с застежкою и пуговицами; поверх был накинут красный суконный с опушкою плащ, наподобие римской тоги, а на голове красная шапка, в виде трехугольной, с капюшоном; на руке висели четки, которые имеют все гелюнги и высшее духовенство. С другого конца гелюнгов курился фимиам. Напротив стояло кюрдэ, испещренное внутри и снаружи молитвами на тунгутском языке. Гелюнг вертел за шнур, и такое вертение заменяло его молитву. Люди из недуховного звания покупают кюрдэ за большие деньги. — За жрецами были расставлены, подле жертвенника, сосуды и утварь, за коими находился алтарь. — Музыка хурульная, проиграв молитвы, внимала потом напеву гунзуда (запевало), который давал тон, и за ним началось всеобщее пение молитв; потом снова играла музыка. За гелюнгами сидели, на другой стороне, гецюли (ученики веры) и манжи (послушники), приготовляемые к духовному званию. Одежда на них была простая, только что носили сапоги из красного сафьяна; некоторые из них имели круглые шапки, с красной кистью, называемой зала, и перевязь через плечо. Бакша (учитель веры) не присутствовал в хуруле по причине нездоровья.— Служение отправлялось на языке тунгутском, который доступен одному духовенству. — Проповеди произносят на калмыцком языке. — По стенам были развешаны бурханы (картины духовныя). На возвышенном месте сидит бурхан, вылитый из металла и вызолоченный. По бокам его лилии, сделанные из серебра, и другие цветы; между ними курительные тибетские свечи; несколько подалее от них серебряные сосудцы. Близ алтаря приносят в жертву: масло, медь, пряники, зерно всякого рода, печеный хлеб, плоды, вареный чай и подслащенную воду, называемую аршан*. Около алтаря хранятся священные книги, писанные золотом на языке тунгутском; они состоят из длинных и узких листов, по краям коих изображения святых и угодников. Берущий в руки книгу, целует и прикладывает ее к голове: книги обертывают в несколько разноцветных тканей, и чем более их, тем более выражается усердия, и оно ценится наравне с жертвоприношением. По окончании служения подали кирпичный чай в деревянных чашках (шанга): гелюнгам, гецюлям и манжам. — Духовенство, выходя из сюмэ, делало поклоны пред Далай-Ламою, всеми святыми, и выходило, не оборачиваясь спиною... — Духовенство живет отдельно, по одиночке, в особых кельях; занимается чтением священных книг, приготовляет мальчиков, посвящаемых с малолетства в хурул. Принимают почти детьми, ибо я видел пятилетних...

В. В. Суслов. Заметки о калмыцких и древнерусских постройках ‖ Очерки по истории древнерусского зодчества. СПб., 1889, С. 55—58.

...При посещении мною г. Астрахани, я прежде всего воспользовался случаем ознакомиться с бытом и с монастырскими постройками калмыков**.

---

* Он приготовляется при чтении особых молитв.

** ...Калмыки — последователи буддийского исповедания и глава их духовенства — Лама. Монастыри управляются настоятелями и младшим духовенством: гелюнгами (священниками — монахами), гицули (дья-

Монастыри их, также как и самые жилища, в данное время разделяются на зимние и летние.

Один из весьма интересных каменных калмыцких храмов (хорулов) находится в 60-ти верстах вниз от г. Астрахани, в бывшем Александровском улусе. Храм этот... представляет собою следующее расположение: ...крайние двухъярусные башенки служат как бы часовенками, через которые проходят в полукруглый открытый портик.., в середине которого устроено круглое помещение.., украшенное четырьмя нишами и назначавшееся для женщин. Из этого помещения, имеющего снаружи вид пирамидальной пятиярусной башни... входят в самый храм.., с особыми приделами... Помещение... покрыто коробовым сводом с распалубками над верхними полукруглыми окнами... Над серединой этого помещения возвышается с фасада надстройка в виде маленькой башни. Пристройки... соединяются с главным помещением шестью арками и перекрыты также коробовыми сводами. Они имеют сравнительно небольшую высоту и освещаются нижними большими прямоугольными окнами.

В глубине храма находится самое святилище (алтарь), отделяющееся... широкой аркой, в которой помещается род иконостаса с средним проходом «Канз-Гина». На карнизах этой декоративной

конами) и манджи (дьячками). Священство это содержится улусами на особые налоги с каждой кибитки. Калмыки (гелюнги — Ред.) занимаются, кроме своих прямых обязанностей, писанием священных изображений и лечением калмыцкого народа, руководствуясь при этом старинными книгами. Они постоянно имеют сношения с Тибетом и получают из города Лассы (Лхасы — Ред.) священные книги, четки, лекарства, ноты, резные кумиры и утварь для своих храмов — хорулов.

перегородки хранятся богослужебные книги, а внизу изображены по сторонам входа два льва. Святилище возвышается над полом остального помещения на одну ступень. Против входа в алтарь находится престол (Таклин-Ширя), соприкасающийся со стеною... На середине возвышенной части этого престола находится изображение главного калмыцкого бога (бурхан Аюша). Этот идол сделан— как меня уверяли калмыки — из золота, на голове его надета остроконечная шапочка, а корпус покрыт материей, вроде плаща, который на груди перевязан шнурами с спускающимися кистями. Из-под ног идола спадают различные священные ткани. На самом престоле (Канз-Гин) стоят пять чашечек с рисом, имеющим аллегорическое значение во время богослужений. Над престолом находятся изображения трех божеств, из них главный Бакша, а внизу Агдве и Матрин-Геген (матерь бога).

Внутренние стены всего храма украшены множеством картин с изображением различных второстепенных богов и разных сцен, где боги их оказывают то или другое влияние на земную жизнь. Картины писаны чрезвычайно условно, но техника встречается замечательная. Изображения эти разной величины и вшиты в парчовые материи, привешенные к горизонтальным деревянным прутьям, прикрепленным к стенам... Кроме того, для украшения храма к связям сводов прикреплены особые матерчатые цилиндры (чимики), имеющие эмблематическое значение. Они состоят из маленьких кусочков цветных материй, сшитых в виде чешуи. В середине помещения... находится столик.., на котором поставлены свечи и разложены другие принадлежности для молебнов и разных богослужений. В больших службах употребляются курительные свечи и зажигаются особые свечи в медных чашечках. Молитвы (кюрдэ), читаемые при бого-

служении, написаны на длинном листе бумаги, который навертывается на особый вал (черт. 1-й) и, по мере чтения молитвы, свиток снова наматывается. Вся внутренность храма не грандиозна и отделана довольно просто, между тем наружный вид его весьма представителен и отличается пестротою архитектурных деталей. Хорул построен собственно в стиле ренессанс, но довольно безграмотно, так что выражены только главные мотивы. Украшения крышечек, башен, карнизов и шпилей сильно отзываются китайским стилем. Здание в главных своих частях расположено эффектно и, при тех степях, которые его окружают, производит довольно сильное впечатление.

Г. и Н. Чернецовы. Путешествие по Волге. (гл. «Астрахань»). М., 1974, С. 143 — 146.

... Утро наступило тихое и теплое; дали обширных плес Волги оканчивались водою и небом. На левом берегу увидели возвышающиеся башни каменного калмыцкого капища и дом с бельведером, окруженный высокими раинами и обставленный юртами, — это селение Тюменевка, постоянное жилище владельца Хошеутовского калмыцкого улуса, полковника, князя Сербеджап Тюменева. Остановясь у берега, мы отправились засвидетельствовать почтение князю и испросить у него позволение посмотреть сооруженное им молитвенное здание. Мы приняты были владельцем со всем радушием в прекрасно отстроенном доме. Получа позволение видеть капище как замечательный предмет на берегах Волги, мы не теряя времени, поспешили удовлетворить свое любопытство.

Здание построено в китайском вкусе; с главной фасады имеет полукруглую колоннаду с тремя башнями и в общем, с другими небольшими отдельными двумя зданиями, составляет прекрасную массу. Внутри сего капища, называемого Хорулом и сюме, у передней стены в нише возвышается место, на котором находится небольшой истукан, сделанный из металла и обернутый шелковою материею; он, как говорили, представляет Шахджимуни. Тут же сохраняются многие маленькие истуканы разных бурханов, богов ламайского исповедания. Жертвенный стол, пред этим возвышением находящийся, уставлен серебряными чашечками, наполненными маслом, сарачинским пшеном, пшеницею, водою, и на нем же поставлены курильные свечки. По бокам этого жертвенника находятся еще два стана с теми же предметами. По стенам капища развешаны изображения добрых и злых бурханов, писанные водяными красками на цветных шелковых материях, чем занимаются исключительно гелюнги, составляющие у калмыков духовное сословие, но нам не удалось побывать в их мастерских. Близ Хорула находится несколько юрт, в которых иногда совершается богослужение, а для жительства гелюнгов выстроены особые домики. Они при Хоруле составляют, вроде монастыря, общество и имеют над собою старшину, или настоятеля, именуемого бакши.

... Мы нарисовали здесь с натуры некоторые замечательные предметы и осмотрели фабричные заведения, принадлежащие князю; калмыки работают на них сукна, салфетки и полотна.

... Гостеприимство князя Тюменя известно всем путешествовавшим в этой стороне. Он сожалел, что мы не приехали сюда в то время, когда бывает у него скачка, на которую приезжает много любопытных из Астрахани. Поблагодаря за гостеприимство, мы простились с почтенным владельцем Хошеутовского улуса.

Н. Очиров. Поездки в Александровский и Багоцохуровский улусы астраханских калмыков. — «Известия Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии в историческом, археологическом, лингвистическом и этнографическом отношениях». СПб., 1913. II серия. № 2. С. 78 — 79.

Летом 1911 года... мне пришлось заехать в Александровский (Хошутовский) улус, который, как мне говорили, прежде был богат письменной литературой, широко развившейся во время нойонов Сереб-Джапа и Батыр-Убуши Тюменей...

Действительно, это известие подтвердилось большой распространенностью в Александровском улусе старинных рукописей, которые в других местах встречаются реже, и следами былого развития буддийской иконографии. Нойон Сереб-Джап Тюмень (известный в народе под именем Джуджи-зерге), командир второго калмыцкого полка, по возвращении из Франции, в благодарность Будде за благополучный конец похода, решил построить большой храм, что и было им сделано. На самом берегу Волги, среди небольших домиков гелюнгов (духовных лиц) и разбросанных здесь и там калмыцких глинобитных турлушек и кибиток, красиво и рельефно выделяется большой храм, который привлекает внимание едущих на пароходах своим величием и своеобразностью стиля, представляющего смесь европейского с буддийским. На первый взгляд он похож на православную церковь и своей колоннадою напоминает Казанский Собор в Петербурге. Когда я спросил о причине сходства, мне сообщили, что Батыр-Убуши Тюмень, автор плана храма, заимствовал стиль с вышеуказанного Собора, но к его проекту были сделаны поправки и дополнения буддийским монахом Гавй Джимбе, по образцу «Джарнг Кашарин Суврген'а». Этот храм является единственным как по красоте, так и по величине не только у астраханских калмыков, но и вообще у их сородичей Европейской России. При входе в храм над дверями красуется изображение Дайчи-тенгр, бога и покровителя войны, а ниже калмыцкая надпись о времени постройки храма Сереб-Джапом и двукратном ремонте, производившемся в первый раз в 1867 году, а потом в год усн тула — 1907 г.

В религиозной сфере деятельность этого нойона проявилась в приглашении ученых лам из Монголии, Тибета и Алтая, переводе духовных книг (сутр и шастр) на калмыцкий язык, поднятии образовательного ценза духовенства, развитии художественной иконописи. Последнее видно из остатков рисунков и форм из сургуча, глины и других материалов для изготовления предметов культа.

... Была собрана богатая коллекция тибетских, монгольских и калмыцких книг, между которыми, несомненно, были исторические сочинения...

У хошутов были две большие библиотеки. Одна в хуруле, другая у нойона. Имеются рассказы про образованных гелюнов и выдающихся бакшей, зурхачей (астрологов), лекарей. Некоторые из них считаются перерожденцами святых.

В. Мезенцев. Фрагмент истории // В краю легенд и сказок. Элиста: Калмыцкое книжное издательство, 1969. С. 23 — 33.

... в плавность прибрежных линий вписывается величественный силуэт исторического памятника, калмыцкого хурула Тюменей. Полуденный жар

растворяет в мареве увиденный издали хурул, и он оживает сказочным трепетом чудного фрегета.

Дивный мираж исчезает, когда вблизи видишь памятник истории, вернее развалины его. Из четырех башен уцелела одна, отчаянно вздыбившаяся над полуразрушенной основой сооружения, над сорванной крышей боковых нефов, разрушенной колоннадой порталов.

Нещадное солнце высветило груды кирпича и камня полуразрушенного, безмолвного храма.

С. Калашников. Разбуженные пески ‖ *Волга, 1983, № 12. С. 90.*

Редкостный памятник этот, к тому же так или иначе связанный с судьбами людей выдающихся, постигла судьба многих глубинных (да и только ли глубинных!) раритетов, на сбережения которых вечно недостает то средств, то желания.

В. Манин. Общества без ... общественников. ‖ *Советская Калмыкия, 1988. 2 июня.*

Теперь наша цель — добиться реставрации Хошеутовского храма, являющегося символом дружбы русского и калмыцкого народов. Удалось пока открыть расчетный счет в Жилсоцбанке, да с помощью астраханских коллег установить на здании охранную доску.

Духовному наследию — жить. К международному дню охраны памятников. ‖ *Комсомолец Калмыкии, 1988. 16 апреля.*

Большой интерес представляет Хошеутовский храм — архитектурный памятник старины. По многочисленным просьбам трудящихся республики президиумы Калмыцкого отделения Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры и Фонда культуры республики в январе текущего года приняли решение о добровольном сборе средств на восстановление Хошеутовского хурула как памятника истории калмыцкого народа. Открыт специальный счет в Калмыцком управлении Жилсоцбанка.

Н. Жиляков. Хурул на Волге. ‖ *Советская Калмыкия, 1988. 18 февраля.*

И мы, ныне живущие на земле, должны, обязаны обеспечить вечность хурулу на Волге. Этот памятник истории, памятник зодчества нуждается в неотложной реконструкции. И тут требуется объединение средств, усилий, воли всех, кому дорога история родной Отчизны.

ПОКА КНИГА ГОТОВИЛАСЬ К ПЕЧАТИ...

Астраханский облисполком выделил средства — сорок тысяч рублей, а студенты Астраханского пединститута под руководством доцента Е. В. Шнадштейн произвели археологические раскопки на территории хурула. Вскрыт фундамент колоннадной дуги ,исследовано подполье храма. Выяснено, в частности, что это не сплошное помещение, а ряд отдельных небольших размеров камер, назначение которых пока не ясно.

Данные раскопок будут использованы при составлении плана восстановления храма. До тех пор принято решение поставить памятник на консервацию и обеспечить его охрану.

Создан оргкомитет по спасению Хошеутовского храма из представителей Калмыкии и Астраханской области.

Обнаружено отсутствие охранной доски на здании, установление которой казалось бесспорным.

РЕКОМЕНДАТЕЛЬНЫЙ БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Путешествие Цвикка и Шилля из Сарепты в калмыцкие орды / Атеней. Ч. 3. 1828. № 12. С. 451—452.

2. Н.....цкий Н. Описание калмыцкого хурула / Журнал министерства внутренних дел. Ч. 33. СПб. 1839. № 10 (октябрь). С. 15—18.

3. Евреинов А. Пир у владетельного калмыцкого князя Сербиджеб-Тюмень Джиргалова / Современник. СПб., 1852. № 10 (октябрь). С. 132—141.

4. Терещенко А. Улус Хошотский или Хошоутовский / Москвитянин. Т. I. 1834. № 1—2, отд. 7. С. 17—67.

5. В калмыцком капище / Миссионер. М., 1877. № 323. С. 187—188.

6. Суслов В. В. Очерки по истории древнерусского зодчества. СПб., 1889. С. 55—63.

7. Житецкий И. И. Очерки быта астраханских калмыков. М., 1883. С. 64.

8. Очиров Н. Поездки в Александровский и Бага-Цохуровский улусы астраханских калмыков / Известия Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии в историческом, археологическом, лингвистическом и этнографическом отношениях. II серия. СПб., 1913. № 2 (апрель). С. 78—79.

9. Г. и Н. Чернецовы. Путешествие по Волге. М., 1974. С. 143—146.

10. Андре Моруа. Три Дюма. Литературные портреты. Кишинев, 1974. С. 261—264.

11. Забелин И. М. Возвращение к потомкам. М., 1988. С. 226—228.

12. Мезенцев В. Фрагмент истории / «В краю легенд и сказок». Элиста, 1969. С. 24—33.

13. Пюрвеев Д. Б. Солнце, пространство и жилище. Элиста, 1971. С. 42—47.

14. Пюрвеев Д. Б. Архитектура Калмыкии. М., 1975. С. 76, 82—83.

15. Пюрвеев Д. Б. Культурное наследие кочевников / Памятники Отечества (альманах). М., 1989. № 1.

16. Борисенко И., Гаврилин Л. Символ братства и боевой славы / Советская Калмыкия, 1979. 3 февраля.

17. Никитин В. П. Астрахань и ее окрестности. М., 1981. С. 107—116.

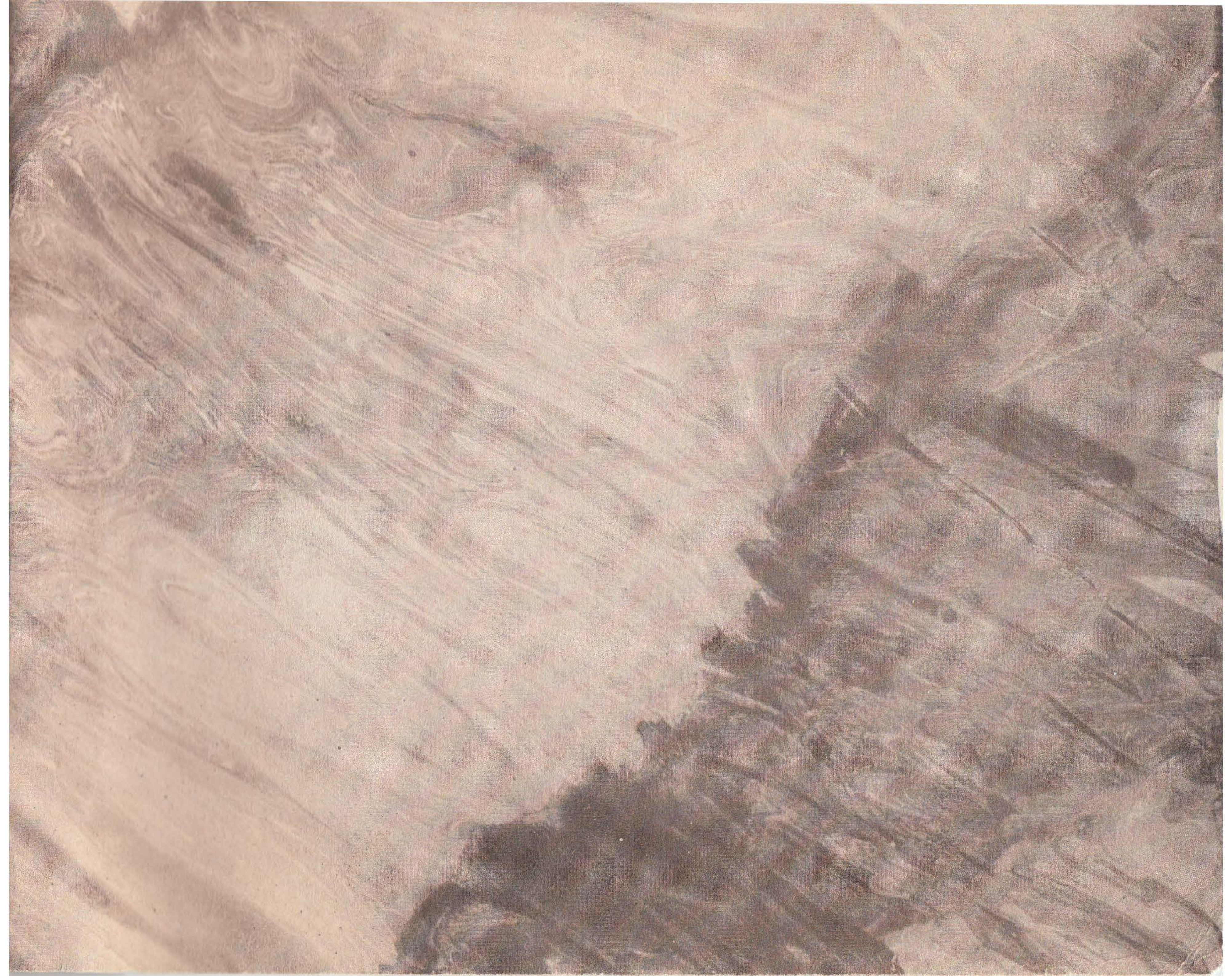
18. Марков А. С. Забытые страницы. М., 1984. С. 195—197.

19. Батырева С. Г. Старокалмыцкая живопись. Фольклорные традиции калмыков / Калмыцкий фольклор. Элиста, 1985. С. 75—77.

20. Боваев Б., Борисенко И., Мошулдаев Б. Судьба уникального памятника / Теегин Герл, 1987. № I. С. 109—112.

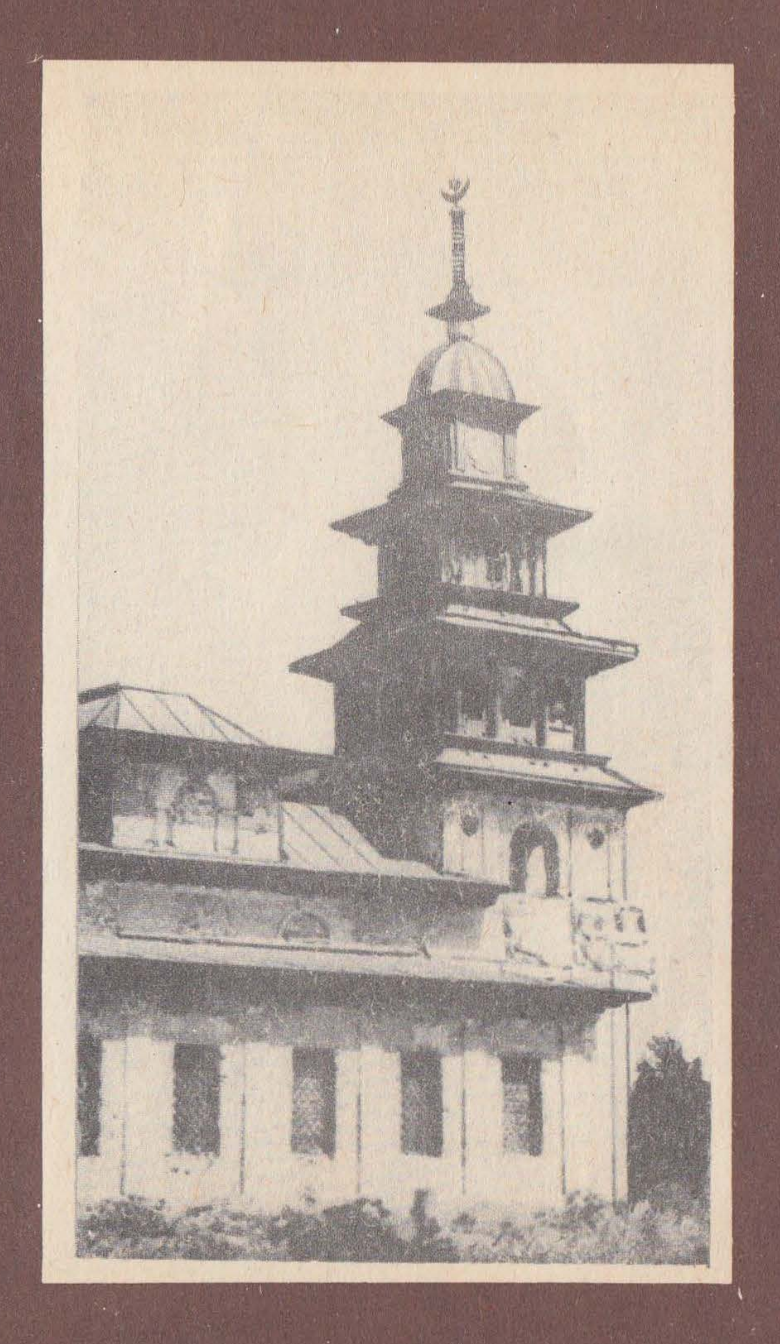
21. Борисенко И. В., Убушиева С. И. Хошеутовский храм как исторический источник материальной и духовной культуры калмыков / Источниковедение и историографические проблемы истории Калмыкии. Элиста, 1988. С. 61—70.

СОДЕРЖАНИЕ

35 к.

В честь
ратных подвигов
живых и павших
и в благодарность
Будде,
даровавшего
им победу,
был воздвигнут
храм...

Этот храм —
наше отражение.
В нем,
как в капле воды,
наша
историческая
судьба,
национальное
достоинство,
наша память...
Спасти его
еще возможно.
И это зависит
от нас.

ЭЛИСТА * КАЛМЫЦКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО * 1989